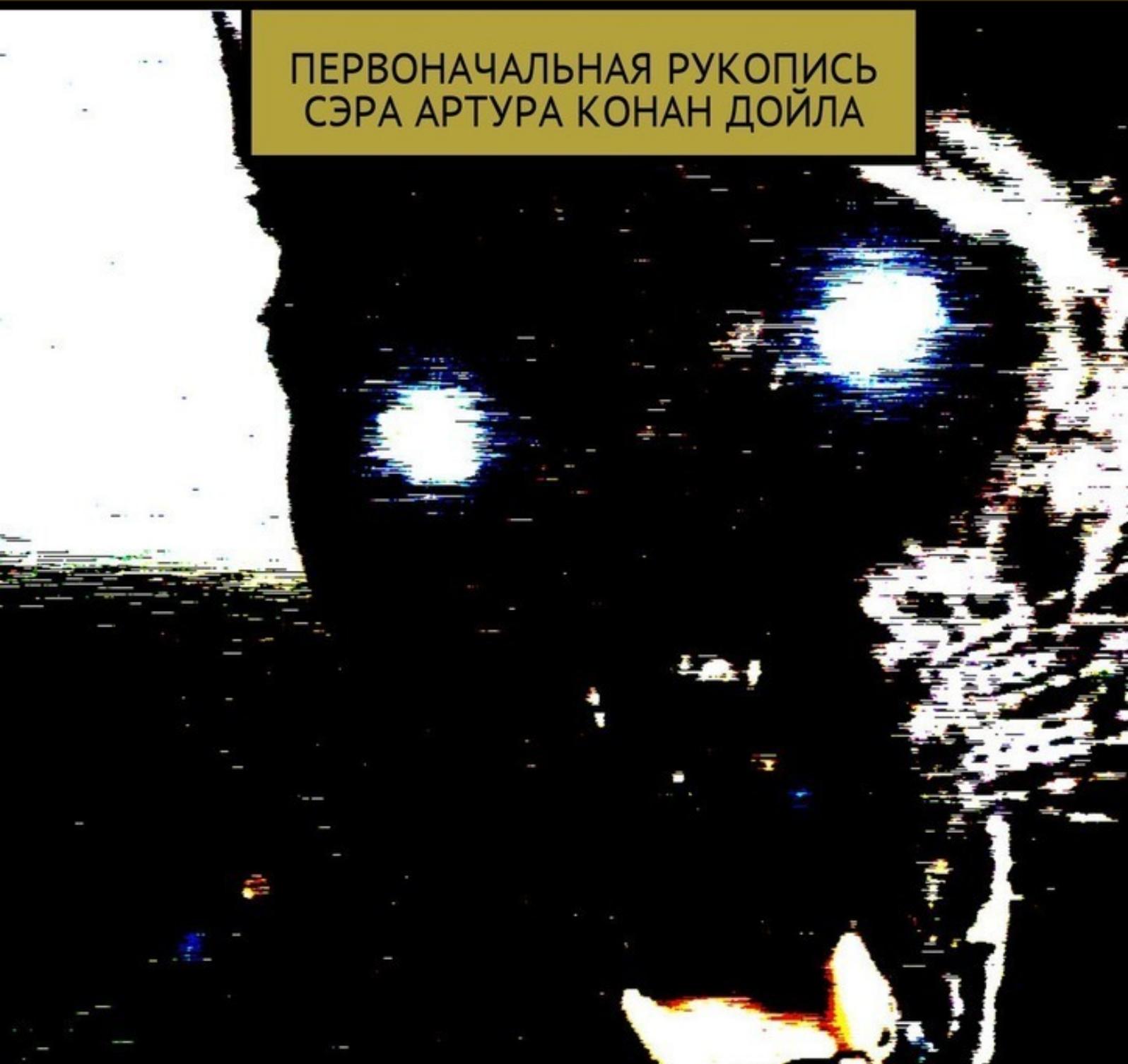

ВЛАДИЛЕН ЕЛЕОНСКИЙ

Проклятие Баскервилей

ПЕРВОНАЧАЛЬНАЯ РУКОПИСЬ
СЭРА АРТУРА КОНАН ДОЙЛА

Владилен Елеонский

**Проклятие Баскервильей.
Первоначальная рукопись
сэра Артура Конан Дойла**

«Издательские решения»

Елеонский В.

Проклятие Баскервильей. Первоначальная рукопись сэра Артура
Конан Дойла / В. Елеонский — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-901138-1

Гибель престарелого богача-аристократа, кажется, вызвана мистическими причинами, изобличить замаскированного убийцу непросто, а орудием убийства оказывается вовсе не собака, как предполагал известный английский сыщик.

ISBN 978-5-44-901138-1

© Елеонский В.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие автора	6
Глава первая. Мистер Шерлок Холмс	7
Глава вторая. Проклятие Баскервильей	16
Глава третья. Проблема	24
Глава четвёртая. Сэр Генри Баскервиль	34
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Проклятие Баскервильей Первоначальная рукопись сэра Артура Конан Дойла

Владилен Елеонский

*Ремейк повести сэра Артура Конан Дойла «Собака Баскервильей»
Авторский перевод оригинальных отрывков Владилена Елеонского*

© Владилен Елеонский, 2017

ISBN 978-5-4490-1138-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие автора

В повести сэра Артура Конан Дойла «Собака Баскервильей» замаскированный убийца пытается реального пса выдать за привидение, выскочившее из преисподней. Для этого он вначале натравливает его на жертву, а затем отзывает обратно.

Каждый кинолог знает, что собака, будучи хищником, способна загрызть человека. Более того, она может разорвать его на части и съесть, в особенности, если хотя бы один раз попробовала человеческую кровь, однако в упомянутой повести злоумышленник желает сделать собаку не явным, а замаскированным орудием убийства, то есть смертельно испугать её ужасным видом. В таком случае на теле погибшего не останется никаких следов, и доказать умышленное убийство будет гораздо сложнее.

В то же время инстинкт диктует приблизиться к незнакомому объекту и обнюхать его, поэтому собаке требуется дополнительная команда, однако жертва может услышать её и понять, что перед ней вовсе не призрак, а реальный пёс, имеющий хозяина. Псовые, кажется, меньше всего подходят на роль призраков из-за своего стремления к тесному преследованию, которое у них в крови.

Мысль эта взволновала меня настолько, что я полез в бездонные архивы Лондонской библиотеки Томаса Карлейля. Целый месяц ушёл на то, чтобы основательно разворошить творчество уважаемого сэра Артура Конан Дойла, однако, в конце концов, я был вознаграждён, — среди многочисленных дневников известного писателя мне удалось обнаружить интересные черновые записи.

Они были составлены плохим почерком, неудивительно поэтому, что столько лет к ним никто даже не притрагивался. Титульный лист отсутствовал, однако, судя по названию глав, передо мной, несомненно, лежали наброски бессмертной «Собаки Баскервильей». Полгода я расшифровывал текст, и ещё полгода переводил его на русский язык и скрупулёзно редактировал.

В результате обнаружилось, что первоначальная рукопись существенно отличается от опубликованного варианта и именно поэтому снимает все поставленные выше вопросы. Автор, в самом деле, отдавал себе отчёт, что собака может стать самым слабым звеном в его захватывающем повествовании и приготовил сюрприз, от которого, впоследствии, впрочем, по непонятным причинам отказался, сделав героем повести помесь гончей и мастиффа.

Рукопись показалась мне настолько занятной, что я решил донести её до широкой публики. К сожалению, во многих местах не удалось разобрать оригинальный текст, поэтому пришлось сделать собственные вставки, подходящие по смыслу.

Глава первая. Мистер Шерлок Холмс

Шерлок Холмс, который обычно задерживался по утрам, за исключением тех нередких случаев, когда не ложился вовсе, сегодня пришёл к завтраку вовремя. Поначалу он был вял, однако, взглянув на меня, немного оживился.

– Вы совершенно правы, Ватсон, – ночка выдалась бессонной.

– Холмс я, кажется, не сказал ни слова!

– Ваше сожаление врача по поводу того, что я гублю здоровье своими частыми ночными бдениями, слишком явно отразилось у вас на лице. Вы давно заметили, – если я прихожу к завтраку вовремя, значит, спать, скорее всего, ещё не ложился. Как я ни бился, мой дорогой друг, мне не удалось синтезировать жидкость, способную восстановить старые чернила. Как вам она?

– Я не понимаю, как такая чудодейственная жидкость может пригодиться криминалисту.

– Просто подумайте, сколько выпущенных в печать произведений могут оказаться под угрозой разоблачения как плагиат или подделка, если я всё-таки изобрету такое вещество.

– Хм, действительно.

– Однако, друг мой, я спрашиваю вас вовсе не о жидкости, а о трости, которую накануне забыл наш посетитель, – увесистая, внушительная с серебряной пластинкой в дюйме от набалдашника и гравировкой «Сэру Ч. Б., мужественному рыцарю и щедрому благодетелю» с датой «01/08/1889». Мы наслаждались боговдохновенной музыкой Пьетро Масканьи, в то время, как наш гость томился здесь, уныло сгорбившись у камина. Нет, в самом деле, как вам она?

– Не понимаю, как вы узнали, что я успел изучить трость. Когда я её разглядывал, в гостиной никого не было.

– Послушайте, Ватсон, надо быть круглым идиотом, чтобы не заметить, что вечером трость стояла в уступе портика камина, а сегодня она замерла, упёршись концом набалдашника в стену.

– Однако, Холмс, горничная могла переставить трость, или наша квартирная хозяйка...

– Полноте, Ватсон! Камин не топили вчера вечером, не топили его и сегодня утром, за окном – прекрасная погода, середина сентября радуется теплом и солнцем, поэтому у миссис Хадсон не было причины подниматься к нам. Вы знаете как ей тяжело со своей подагрой подниматься по ступеням, а их, между прочим, целых семнадцать, если вы успели заметить за годы проживания здесь.

– Никогда не считал ступеньки на лестнице нашей квартиры.

– И напрасно! Когда-нибудь это может пригодиться.

– А горничная?

– Раз в два дня в двенадцать часов она приходит убирать гостиную, однако вчерашний день не был днём уборки, а сейчас ещё только десять. Остаётся девушка, которая только что подала завтрак.

– Она-то здесь причём!

– Пожалуйста, обоснуйте.

– Она приходит лишь за тем, чтобы приготовить еду, накрыть на стол и убрать посуду. Услышав, что она пришла, – стукнула входная дверь, я спустился из своей спальни сюда. Вас ещё не было, вы пришли чуть позже. Накрывая на стол, она всё время была у нас на виду, и у неё не было ни малейшей возможности с подносом в руках заниматься тростью.

– Послушайте, Ватсон, иногда вы проявляете чудеса проницательности.

– А если кто-то тайком пробрался сюда, скажем, из любопытства? Тот шустрый веснушчатый подросток, помните, племянник горничной, или, может быть, сама горничная в силу каких-то непредвиденных обстоятельств изменила свой обычный график, начала уборку, а затем ей вновь срочно потребовалось уйти...

– Вероятность этого крайне мала, поэтому её вообще можно не принимать в расчёт, однако я учёл её и могу вам сказать вполне определённо, – этого не было.

– Почему?

– Есть одна мелочь, однако она крайне важна, когда речь идёт о воссоздании картины происшедшего, – я давно заметил, что свою трость вы приставляете к стене именно так, как сейчас к ней приставлена трость нашего гостя.

– Ах, вот в чём дело!

– Между прочим, так она может легко упасть и повредиться. Ваша трость, кстати, именно по этой причине местами исцарапана.

С этими словами он стремительно поднялся из-за стола, подхватил палку, уселся в свой любимый угол небольшого удобного дивана и стал увлечённо рассматривать примечательную вещь. Я был рад, что вялость сменилась заинтересованностью, – наконец, нашлась пища для деятельного ума.

– Вы, кажется, снова меня обставили.

– Любой факт, Ватсон, имеет причину, надо всего лишь увидеть её, соединив в единое целое, казалось бы, совершенно разрозненные детали. Вот вам яркое свидетельство того, что мой метод вовсе не плод воображения комнатного мечтателя, как полагает старина Лестрейд, которого я искренне уважаю за бульдожью хватку, однако, ему, к сожалению, не хватает полёта фантазии.

– Полагаю, вы слишком хорошего мнения о жалком фанфароне, который выезжает из трясины раскрытия сложных преступлений на вашем горбу.

Холмс с самодовольной улыбкой оторвался от трости.

– Бросьте, Ватсон, как можно, Лестрейд – неплохой малый. Лучше попробуйте, глядя на трость, разгадать, что за человек к нам приходил, вы знаете мой метод, так что, думаю, вам не составит труда.

Я взял из его рук трость и попытался рассуждать так, как обычно делал мой друг.

– Вы правы, из своей комнаты вы ещё не вышли, и в ожидании завтрака я от нечего делать заинтересовался вещью, которую забыл у нас вчерашний посетитель. Первой мыслью было, что, наверное, ему будет очень неприятно потерять её. Она, в самом деле, довольно тяжела, солидна, изготовлена из пород ценного дерева, тщательно отшлифована и покрыта чёрным лаком, а наверху увенчано внушительным и весьма оригинальным бронзовым набалдашником. Думаю, что сэр Ч.Б., упомянутый на гравировке, – уважаемый в своём кругу военный человек.

– Почему так?

– Я часто видел подобные трости у офицеров, находящихся на действительной службе. Набалдашник настолько тяжёл, что трость вполне может служить холодным оружием в бою. Видимо, внутрь влит свинец. Поскольку палка очень дорогая, скорее всего, наш вчерашний посетитель – полковник. Он получил её от своих сослуживцев в качестве подарка, причём в отставку он, как видно, пока не собирается, а первого августа сего года у него была круглая дата, возможно, юбилей.

– Хм, а может подарок был сделан как раз в связи с уходом в отставку?

– Интуиция мне подсказывает, что подобные трости военные носят на действительной службе.

– Здорово!

– Он настолько бережливый человек, что не использует трость по прямому назначению.

– То есть?

– Смотрите, он пользуется ею полтора месяца, а бронзовый наконечник, который упирают в пол, опираясь на палку, совсем, как новый, ни одной царапины!

– Дельное замечание. Это всё?

– Что-то сильно тяготит его, и он, придя сюда, очень надеялся, что вы разрешите его проблему. Не дождавшись вашего прихода, он так расстроился, что даже забыл свою трость, которой, как я сказал, очень дорожит.

– Потрясающе! Что-то ещё?

– Есть ещё кое-какие детали, однако я умолчу о них, поскольку не совсем уверен.

– В самом деле, Ватсон, вы превзошли самого себя! – сказал Холмс, откидываясь на спинку дивана и зажигая сигарету.

Я испытал настоящую гордость при мысли о том, что мне удалось, наконец, овладеть системой моего гениального друга настолько, что он выразил одобрение.

– Теперь ваша очередь, верно?

Холмс взял трость из моих рук и несколько минут осматривал её невооружённым глазом. Затем он отложил сигарету и, поднеся палку к окну, осмотрел её снова, но теперь с помощью лупы. Я с нетерпением ожидал вынесение вердикта.

– Интересно, хотя слишком просто, – наконец, сказал он, снова садясь в свой угол. – Имеются один или два признака, они дают нам базис для нескольких важных выводов.

– Надеюсь, нет ничего такого, что ускользнуло от моего внимания? – с некоторой чванливостью в голосе спросил я.

– Боюсь, мой дорогой Ватсон, что ваши выводы ошибочны. Я всегда говорю, что вы стимулируете меня, однако, если быть честным, я имею в виду, что ваши заблуждения иногда вдруг подводят меня к разгадке. Не скажу, что вы совершенно ошиблись в данном случае. Он, в самом деле, уважаемый и активный человек.

– В таком случае я был прав.

– В какой-то мере.

– А больше всё равно ничего нельзя сказать.

– Нет, нет, дорогой Ватсон, это ни в коем случае не всё. Он вовсе не военный.

– А кто же он?

– Начнём с того, что он вообще никогда не служил в армии по причине не очень крепкого душевного здоровья, хотя внешне у него всё было хорошо, а не так давно стало просто замечательно. Он – довольно пожилой человек, однако продолжает тщательно следить за собой. Думаю, что он богат, не скуп, его обожают соседи.

– Почему?

– Местные власти, которым он щедро помогает, преподнесли ему трость в подарок.

– С чего вы это взяли?

– В углу серебряной пластины имеется миниатюрное клеймо с гербом графства Девоншир, не обратили внимания?

– Я принял его за витиеватое украшение. А почему вы решили, что он в почтенном возрасте, однако по-прежнему тщательно следит за собой?

– Серебряная пластина с гравировкой врезана в дерево, и сквозь лупу можно различить, что в один из пазов попали аккуратно подстриженные седые волосы, они белые, как снег.

– Хм, а почему у него слабое душевное здоровье?

– Трость новая, однако, внизу, у наконечника, лак на дереве повреждён так, словно палкой в крайнем исступлении секли болотные колючки, например, утёсник. Сквозь лупу достаточно хорошо видны, как старые, так и совсем свежие царапины с въевшимися в них микроскопическими иголочками именно утёсника. Зачем влиятельному человеку, который постоянно на виду, использовать дорогую и ценную трость так безалаберно, я бы даже сказал, так по-мальчишески глупо?

– Верно.

– Однако, такие приступы случаются нечасто.

– Почему?

– Посмотрите, как раз в том месте, где он постоянно её сжимает, лак имеет характерные потёртости. Трость почти новая, а чёрный лак заметно вытерт там, где трость удобнее всего держать для самозащиты, а не для ходьбы или сбивания наконечником колючек, видите, потёртость расположена ближе к наконечнику. Чаще всего он держит палку так, чтобы в любой момент быть готовым с размаху очень сильно ударить противника по голове тяжёлым набалдашником. Похоже, что он таскает трость с собой повсюду и не расстается с ней ни днём, ни ночью, причём руки у него постоянно потеют от страха.

– Холмс, а вот это уже слишком!

– Вовсе нет! Только влажные от пота руки за столь короткое время способны испортить лак такого качества, который при должном обращении достаточно долго сохраняет великолепный вид.

– Что ж, я вынужден признать, что мне вновь нечего возразить.

– Части целого не так трудно восстановить, Ватсон, однако подавляющему большинству людей лень заниматься этим.

– Почему?

– Потому что гораздо приятнее разбивать на части, чем собирать. Такова человеческая природа, хотя с недавних пор я подозреваю, что такую натуру в человеке вполне возможно взращивать искусственно. К примеру, люди ругают войну, однако, когда им не удаётся построить ничего путного, их легко отправить убивать, обвиняя в неудачах соседей. Культивируется элементарная зависть, однако соседу приписываются черты самого дьявола, и поэтому культ зависти распознать не так-то легко.

Меня покоробил безапелляционный тон моего друга.

– Звучит достаточно трагично.

– Мой дорогой Ватсон, история – цепь трагических случайностей, сдобренных, впрочем, отдельными вспышками счастья. Знаете, как две змеи, изображённые на жезле главного жреца египетского фараона. Они олицетворяют собой материю и сознание, ползут вверх и стоять на месте не могут, однако продвигаются лишь при одном условии, – если поддерживают друг друга. Бывает, что одна змея извивается кольцами, тогда вторая клубится тоже, развитие бредёт по кругу, а познание либо отрывается от практики, либо делает явный крен в сторону решения одних лишь материальных проблем. Если же им удаётся найти общий язык, – они продвигаются вверх, эволюция продолжается, тогда мы испытываем вспышки счастья от истинного знания, а обратной дороги нет, задом змеи ползать не умеют. Когда мне, глядя на части, иногда удаётся воссоздать целое, я испытываю истинное блаженство!

– Выходит, вы всего лишь прочитали разрозненные следы на трости?

– Я смотрю на них, а воображение рисует подходящую картину, вот как это происходит. Каждому приблизительно известно, какие действия обычно оставляют те или иные следы, каковы мотивы подобных действий, однако не каждый утруждает себя рисованием целостной картины. Говорю вам, нашего вчерашнего гостя периодически охватывает настоящий ужас. Чувство тревоги терзает его сердце, а, может быть, какая-то галлюцинация периодически является ему, не давая покоя ни днём, ни ночью. С некоторых пор у него стали случаться психические припадки. Не удивлюсь, если узнаю, что на днях он был вынужден обратиться к специалисту, и тот назначил ему курс лечения.

– Почему вы так решили?

– Какой нормальный человек будет постоянно таскать с собой трость в качестве оружия для самозащиты? Что ему мерещится в тёмных углах и коридорах?

– Звучит убедительно, однако в действительности всё может оказаться совсем не так, как вы говорите...

В этот момент снаружи кто-то резко дёрнул шнур звонка, и я оборвал себя на полуслове. Через пару мгновений лязгнул замок входной двери, внизу раздался громкий голос квартирной хозяйки, а затем послышалась неторопливая размеренная поступь шагов.

Холмс как-то странно посмотрел на меня.

– Вот он, роковой момент. Что несёт нам этот визит, Ватсон? Зловещую загадку? А может быть, в самом деле, всего лишь нудную исповедь богача-психопата?

Я не успел ответить. Шаги стихли, как видно, наш гость сделал паузу после подъёма, чтобы перевести дух, и в следующий миг дверь распахнулась. Гордо приосанившись, к нам вошёл высокий худой бледный старик в великолепном чёрном пальто и тёмной кожаной ковбойской шляпе, – она имела высокую округлую тулью, вогнутую сверху, и широкие подогнутые вверх поля. Шею прикрывал алый шейный платок. Он тоже был бы похож на платок ковбоя, если бы не концы, завёрнутые в трубочку и сплетённые вместе наподобие прутьев живой изгороди.

Увидев нас, гость снял головной убор, обнажив розовый череп, местами покрытый войлоком совершенно седых волос, и раздвинул в стороны свои сиреневые губы, как видно, заменяя словесное приветствие этим странным подобием дружеской улыбки. Я вежливо приподнялся в кресле, в то время, как Холмс даже не шелохнулся и продолжал сидеть в своём углу с отсутствующим видом древнегреческого математика, извлекающего в уме квадратный корень из шестизначного числа.

Судя по морщинам, глубоко избороздившим довольно привлекательное лицо с чертами истинного джентльмена, и старческой худобе, впрочем, нисколько не портившей его, нашему посетителю, в самом деле, было далеко за семьдесят. Тем не менее, он держался так прямо и смотрел на мир так гордо своими ясными как у младенца светло-серыми глазами, что, казалось, возраст перестал иметь для него какое-либо значение. Его биологические ритмы как будто остановились на цифре шестьдесят, не желая двигаться ни на один день вперёд. Подстриженные, тщательно уложенные и напомаженные остатки волос, несмотря на то, что они были белы, как снег, а также юношеская живость движений подтверждали, что этот человек не сдаётся.

Завидев трость на диване рядом с Холмсом, он обрадовался и проворно шагнул к ней, однако не успел протянуть руку, как мой друг ошеломил его вопросом, который, признаюсь, огорошил и меня самого.

– Давно из Южной Африки?

Джентльмен замер посреди комнаты с протянутой рукой.

– Вы меня знаете?

– Нет.

– В таком случае как узнали?

– Вряд ли вы будете оспаривать тот факт, что ношение шляпы Стетсон в сочетании с так называемым галстуком скаута стало с недавних пор модным именно в Южной Африке. Я не удивлюсь, если узнаю, что вы близко знакомы с лордом Баден-Пауэллом, известным британским лазутчиком в войне с безжалостными матабельскими воителями.

Гость оглянулся так, словно в этот миг нашу тесную, однако, смею утверждать, довольно уютную гостиную, в самом деле, удостоил своим присутствием упомянутый лорд, затем вновь, на этот раз с неподдельным интересом, взглянул на Холмса и вдруг легко и весело, как подросток, тряхнул головой.

– Поразительно, сэр, хотя в действительности просто! С лордом Баден-Пауэллом я лично не знаком, однако симпатизирую его идеям. Впрочем, в данный момент меня больше волнует то обстоятельство, что я нашёл свою палку, поскольку никак не мог вспомнить, где её оставил, – здесь, в отеле или в пароходстве.

С этими словами он вновь потянул сухие пальцы к набалдашнику, однако Холмс мягким кошачьим движением опередил его.

– Специалист, наверное, прав, длительное морское путешествие, в самом деле, поможет вам успокоить нервы, – рассматривая трость, сказал он.

Наш гость буквально остолбенел.

– Сэр, вы меня разыгрываете!

– Уверяю, сэр, я вас, в самом деле, не знаю, хотя по некоторым признакам догадываюсь, кто вы. Прошу вас, присаживайтесь вон туда, ближе к камину.

Посетитель послушно опустился в плетёное кресло, однако в его глазах по-прежнему светилось недоверие.

– А кто этот джентльмен?

– Доктор Джон Ватсон, отставной военный хирург и мой незаменимый ассистент. Надеюсь, его присутствие нам не помешает?

– Очень кстати, присутствие врача не помешает. Что ж, пусть знает мои личные дела, если умеет держать язык за зубами.

– В этом не сомневайтесь! Судя по всему, кофейник ещё не остыл. Ватсон, не в службу, а в дружбу, наполните нашему уважаемому гостю чашечку. Вот так, хорошо.

Прежде чем глотнуть из чашки, гость пристально посмотрел Холмсу в лицо.

– Неужели моя трость смогла рассказать вам о моём душевном состоянии?

– Да, уважаемый сэр Чарльз Баскервиль.

Наш посетитель от неожиданности подпрыгнул в кресле и расплескал кофе на себя.

– Сэр, вы навели справки, а теперь набиваете себе цену. Старый и дешёвый трюк!

– Нет, это не так. Тем не менее, прошу простить, что мне пришлось так бесцеремонно отождествить вашу личность.

– В таком случае как вы узнали?

– Газеты полгода трещат о выдвижении в Палату общин от Девоншира сэра Чарльза Баскервиля, сколотившего в короткий срок состояние на приисках в Южной Африке. Думаю, что на сегодняшний день в Британии не так много людей с инициалами Ч.Б. и схожей биографией.

Гость покачал головой.

– Хм, вынужден признать, что вы и впрямь обладаете кое-какими способностями.

– Ваша трость поведала мне ещё кое-что.

– Неужели?

– Видите ли, сэр, следы чрезвычайно упрямы, их невозможно ни подкупить, ни обмануть, именно следы, и ничто иное, – самые надёжные свидетели. Они, а вовсе не люди, как ошибочно считают многие, – верные помощники в любом деле, с ними приятно общаться, словно с мудрыми и чрезвычайно привлекательными женщинами, однако не будем попусту тратить время. Пожалуйста, расскажите, что привело вас ко мне.

Наш гость низко опустил голову, как будто придавленный грузом неразрешимых проблем, и упёр тяжёлый взгляд в каминный ковёр. Он как-то сразу потускнел и сторбился, напомним мне изнурённую охотничью собаку, которую целый день совершенно напрасно гоняли по болоту в поисках дичи. Холмс от нечего делать стал отбивать пальцами у себя на колене кульминационный мотив вчерашней оперы.

Вдруг наш странный посетитель резко вскинул покрасневшие от напряжения глаза.

– С недавних пор меня неотступно преследует предчувствие скорой и жуткой гибели.

Лицо Холмса приняло сонное выражение.

– Предчувствие? Хм, а есть ли факты?

– Факты?

Баскервиль торопливо зажёл сигару, его пальцы дрожали.

– Иногда я вдруг начинаю подозревать, что кто-то искусно пугает меня, а иногда мне кажется, что я, в самом деле, схожу с ума.

– А, может быть, специалист прав, и вы всё-таки переутомились? Не шумит ли у вас в голове, не слышите ли вы звон в ушах, голоса?

– Неужели, сэр, вы не видите, что я не психопат? Правда, приступы крайнего раздражения, в самом деле, иногда бывают. Я не люблю светское общество, потому что фальшь коробит меня, а люди разочаровывают всё больше, что с того? Да, я слишком требователен к друзьям, поэтому у меня их мало, однако они есть, например, в трудные минуты меня всегда выручают доктор Мортимер и мистер Степлтон, его дом расположен по соседству. Дело заключается вовсе не в моих перепадах настроения. Вы, несомненно, умны, мистер Холмс, однако вы ещё довольно молоды и поэтому спешите делать выводы.

– Возможно, в некоторых несущественных деталях я бываю не совсем точен.

– Ничего себе – несущественные детали! Меня преследуют злоумышленники, а вы рекомендуете обратиться к медику.

Холмс откинулся назад и, сложив вместе кончики пальцев, закрыл глаза. Как видно, он не испытывал ни малейшего желания спорить по этому вопросу.

По щеке гостя неожиданно покатила мутная старческая слеза.

– Я не знаю, кто-то шутит, или мне на самом деле является призрак большой чёрной собаки? – дрогнувшим голосом сказал он.

Мой друг приоткрыл глаз.

– Погодите, вы сказали, что доктор Мортимер и Степлтон часто бывают у вас. Это всего лишь милое общение?

– Не совсем так. Они помогают вести мои отчёты по избирательной компании. Помимо этого, доктор Мортимер слушает моё сердце, которое, по его мнению, с недавних пор внушает беспокойство. Что касается весёлого и непринуждённого общения, оно, в самом деле, присутствует. Доктор Мортимер, несмотря на то, что окончил лишь колледж, является весьма эрудированным человеком, а Степлтон имеет оригинальные взгляды на жизнь и веселит занимательными рассказами.

– Он – артист цирка?

– Нет, он – талантливый антиквар, и досконально знает историю искусств.

– Он коллекционирует картины?

– Нет, он собирает артефакты каменного века и очень внимателен ко мне. Когда он заметил, что со мной творится что-то неладное, то преподнёс по случаю дня рождения вот эту самую трость, в полость её бронзового набалдашника в избытке влит свинец, и с ней я, в самом деле, чувствую себя намного увереннее.

– Хорошо, а когда к вам стал являться призрак собаки, – до начала избирательной компании или после?

– Вскоре после того, как она началась пять месяцев назад.

– Как?

– В тёмных углах и коридорах мне мерещится мерцающая тень огромного чудовища, похожего на собаку. У него горят красные глаза, а шерсть переливается электрическими искрами.

– Кто ещё знает о ваших страхах, кроме доктора Мортимера и Степлтона?

– Дворецкий Бэрримор и его жена, возможно, что-то заметили, хотя я стараюсь не показывать вида.

– Кто-то ещё?

– Вряд ли.

– Что было дальше?

– Не так давно, наверное, месяц назад, благодаря усилиям доктора Мортимера я почувствовал себя гораздо лучше, а привидение стало являться иначе.

– Как?

– Видите ли, сэр, в те дни я ещё прогуливался возле древних камней после заката, это где-то в полумиле от Тисовой аллеи. Обычно я иду и курю сигару. Наверное, месяц назад, может быть, чуть больше я стал замечать, как вдалеке в сумерках у вершины холма, там, где темнеют развалины доисторических хижин, в воздухе появляется мерцающая тень, она светится зеленоватым светом и как будто плывёт в дымке. Какое расстояние, не могу точно сказать, наверное, четверть мили, однако моя дальновзоркость позволяет видеть детали, – это призрачная тень огромной уродливой мясистой собаки с короткими ушами и вытянутой как у медведя мордой, а на теле у неё, кажется, вообще нет шерсти, или она очень короткая.

– Когда тень появляется?

– После того, как я закурываю сигару.

– А когда исчезает?

– После того, как прекращаю курить.

– Это всё?

– С недавних пор по ночам кто-то стучит в окно моей спальни, вот так, – наш гость тихонько постучал своим массивным ногтем по крышке кофейного столика.

– Может быть, ветер?

– У ветра нет ногтей.

– Вы подходили к окну на стук?

– Нет.

– Почему?

– Мне мешал безотчётный ужас, словно за окном меня поджидает она.

– Кто?

– Собака Баскервильей.

– Занятно.

– Прошу вас, сэр, не принимайте меня за сумасшедшего! Я имею биологическое образование по специальности «Физиология человека», мне скоро стукнет восемьдесят, я никогда не верил в сказки и совершенно не боюсь смерти, просто, как вы правильно подметили, мои нервы расшатаны, и я страдаю бессонницей. Дело в том, что в Южной Африке акции, в которые я по совету знающих людей вложил все свои деньги, вскоре резко упали в цене. Я был в полном отчаянии, как вдруг успешная оборона Мафекинга, в которой отличился ныне так почитаемый мной и не только мной лорд Баден-Пауэлл, подняла стоимость на кимберлийские алмазы до фантастических цифр, и на следующее утро я проснулся миллионером. В отличие от многих, мне удалось обуздать азарт, я вовремя остановился и вернулся домой, в то время как те, кто продолжил игру, потеряли всё. Повторяю, нервы мои изношены, однако не настолько, чтобы считать меня сумасшедшим.

– Что делала собака?

– Ничего она не делала, просто плыла в воздухе у вершины холма, натянутая, как струна. Знаете, так застывают охотничьи собаки, когда внезапно чувствуют дичь. Мне всегда казалось, что она ловит своими жуткими глазами мой взгляд! Я бросил гулять, стал безвылазно сидеть в своём замке, как филин в дупле, а несколько дней назад решил навсегда покинуть Баскервиль-холл. Последние недели пребывания в нём стали воистину сплошным кошмаром! Меня неотступно преследует предчувствие скорой гибели, я стал допоздна засиживаться в кабинете, разбирая бумаги, чтобы составить завещание, однако жуткое видение не выходит из головы, представляете? К тому же, разбирая семейный архив, я неожиданно нашёл вот это...

Аккуратно положив окурок сигары на край пепельницы, он вынул из внутреннего кармана чёрный перламутровый пенал, неловко раскрыв его, и на пол полетели пожелтевшие

от времени листочки бумаги, густо исписанные чёрной тушью. Исполнив в воздухе изящное па, они мягко опустились на ковёр.

Один из листков приземлился на тапок Холмса, мой друг нагнулся и без всякого интереса подобрал его.

– Хм, какой своеобразный почерк, чем-то напоминает готическое письмо.

– О, да, это доказывает, что рукопись, в самом деле, середины восемнадцатого века, тогда было модно так писать.

Холмс небрежно вернул листочек владельцу, в то время как я бережно собрал остальные и положил их стопкой на кофейный столик. Гость взял в руки верхний листочек и кашлянул, прочищая горло.

Холмс со вздохом сплёл пальцы на животе, вытянул свои до невозможности худые ноги и сонно посмотрел на посетителя.

– Желаете прочесть ваше семейное предание о Чёрной собаке?

– Да, а как вы догадались? О, можете не отвечать, я всё время забываю, с кем имею дело. Текст, возможно, вас позабавит, однако меня он крепко озадачил!

Холмс недоверчиво хмыкнул и посмотрел на меня тоскливым взглядом. Хорошо зная моего друга, я понял, что он давно пришёл к каким-то достаточно определённым выводам, и теперь всё происходящее казалось ему лишь одной досадной тратой драгоценного времени.

Глава вторая. Проклятие Баскервильей

Сэр Чарльз повернул листочек к окну, отодвинул его подальше от глаз, как делают дальнорюкие люди, и вдруг довольно приятным баритоном с выражением прочитал следующее.

– Баскервиль-холл. Тысяча семьсот сорок четвёртый год. История Собаки Баскервильей обросла легендами, поэтому я, как прямой потомок Хьюго Баскервиля, и человек, услышавший эту историю от своего отца, а тот, в свою очередь, от своего, записал её, веря, что всё произошло так, как здесь изложено. Я также неизменно верю, мои сыновья, – то самое Божественное правосудие, которое карает за грехи, в высшей степени милосердно, чтобы простить их, и нет такого проклятия, которое не искупилось бы покаянием и молитвой. Наверное, не имеет смысла бояться плодов прошлого, скорее, следует остерегаться того, что приносит с собой будущее, дабы те нечестивые и необузданные страсти, от которых наш род страдает так мучительно, не уничтожили его окончательно. Знайте же, что во времена Великого Мятежа, историю которого, составленную учёным мужем лордом Кларендоном, я настоятельно рекомендую вам, поместьем Баскервильей владел упомянутый Хьюго, человек совершенно дикий и безбожный. Можно без всякого преувеличения сказать, что он вёл разгульный и распутный образ жизни. Как видно, после зверской казни нашего несчастного короля земное наказание перестало страшить его, и он по каким-то одному лишь ему ведомым знакам уверился в том, что всё, что он делает, является истиной. Нечестивец прогнал жену с младенцем, и в Баскервиль-холле нашли пристанище самые ужасные и отвратительные пороки. Каждый вечер он развлекался с друзьями-собутыльниками тем, что привозил в имение добычу – какую-нибудь привлекательную юную девицу. Ему всё сходило с рук, жаловаться было бесполезно, и в один из дней настала очередь дочери соседского фермера. Негодяи насильно напоили её и затащили наверх, в спальню, чтобы устроить разврат, ставший для них обычным делом, как вдруг невероятных размеров ужасная чёрная морда, словно плывущая и тлеющая в воздухе, прильнула снаружи к оконному стеклу. Зрелище было настолько неожиданным и диким, что несчастные пьяницы гурьбой бросились в коридор, однако там их встретило то же самое отвратительное оцетинившееся чудовище со светящейся во мраке пастью и горящими, словно у пса преисподней, красными глазами. Оно по форме, в самом деле, чем-то напоминало собаку, однако было гораздо больше всех собак, которых видел когда-либо глаз смертного. С клыков капала кровь, а по шерсти чиркали грозовые разряды. Вся честная компания, обезумев от ужаса, бросилась обратно в спальню и, выдавив оконный переплёт, вылетела наружу. Кто-то сошёл с ума, а беспутный Хьюго околел, свернув себе шею, и ни единого следа постороннего воздействия на его теле не было обнаружено. Девица также видела ужасный призрак, однако он не причинил ей никакого вреда, она благополучно добралась до дома, и всё рассказала отцу. С тех пор в здешних местах ходит поверье, что тот, кто увидит Собаку Баскервильей, вскоре лишится рассудка и погибнет. Такова, мои сыновья, история появления Той, которая жестоко преследует наш род с тех давних пор. Я записал это предание, полагая, что лучше будет, если жуткое и ужасное станет вам хорошо известно, поскольку нет ничего хуже того, что скрывается за досужими домыслами. Потомки Хьюго погибали либо насильственной смертью, либо внезапно и загадочно, и всем им перед кончиной являлась Собака Баскервильей. Всё же мы вверяем себя в руки бесконечной милости Провидения. Согласно Святому Писанию проклятье преследует лишь третье или четвёртое поколение грешников, оставляя в покое последующих потомков. Божественному провидению, сыновья мои, таким образом, я вверяю вас, и остерегайтесь бывать на болотах в те тёмные ночные часы, когда пробуждаются силы зла. Написано Хьюго Баскервилем, правнуком Хьюго Баскервиля, сыновьям Роджеру и Джону с наказом не сообщать ничего из того, что здесь написано, их сестре Элизабет.

Наш гость умолк. Холмс встрепенулся.

– Это всё?

– Если вы о рукописи, то да.

– А как скончался автор хроники?

– Внезапно, будучи практически здоровым. Он выпал из окна и разбился.

– Хм, всё же я хотел бы иметь дело с более убедительными свидетельствами.

Лицо сэра Чарльза налилось пугающей свекольной краской.

– Вы полагаете, что всё это сказки?

– А вы полагаете, что всё это факты?

– Хорошо, тогда вот вам факт! Прочитав хронику, я понял, что пора, в самом деле, восстановить пошатнувшееся здоровье. По совету доктора Мортимера я решил прервать избирательную компанию и забронировал каюту, чтобы отправиться в кругосветное путешествие. Дворецкий Бэрримор уехал к внезапно заболевшей сестре, поэтому накануне убытия в Лондон я попросил конюха Перкинса вынести все вещи из летнего домика, и он сообщил мне, что выполнил мою просьбу. Я решил проверить, а заодно прогуляться и выкурить свою обычную сигару перед сном, только не в спальне, как обычно, а на свежем воздухе. Только что зашло солнце, сгущались сумерки, когда я спустился с крыльца и, закурив, двинулся к летнему домику по гравийной дорожке, пролегающей в тёмной Тисовой аллее, как вдруг шагах в пятидесяти от меня гравий стремительно пересекла огромная четвероногая тень. Я похолодел от ужаса, мысль о собаке снова овладела всем моим существом, и, совершенно не чуя под собой ног, я, как заяц, кинулся обратно в замок. Меня трясло! Не сказав никому ни слова, я заперся в спальне, просидел, дрожа, в постели всю ночь, боясь подойти к окну, в которое кто-то, кажется, тихонько постукивал, а рано утром всё рассказал доктору Мортимеру, он заехал за мной, чтобы вместе отправиться на железнодорожную станцию. Надо было спешить на поезд, однако мы сели обсуждать во всех подробностях вчерашнее происшествие. Все усилия доктора успокоить мои нервы не увенчались успехом, и мы пошли к тому месту, где промелькнула тень. Следов на гравии, кажется, не было, а вот на одной из полос газона, которые окаймляют дорожку с двух сторон, доктор кое-что заметил.

– След? – встрепёнувшись, сказал Холмс, однако в следующий миг снова сонно прикрыл глаза. – О, да, конечно, это был след огромной собаки.

– Хм, вы снова угадали. Я пригласил фотографа, неподалёку в Гримпене живёт милая женщина-фотограф, и она сфотографировала мне его.

Гость вытащил из кармана большой пакет, вынул из него фотографию довольно внушительных размеров и протянул мне. Я стал с интересом рассматривать фотокарточку, а мой друг рассеяно лишь покосился на неё. Мы увидели траву газона, рыхлую землю у кустарника, а на ней, в самом деле, свежий след. Несомненно, фотография запечатлела след огромной лапы, – были хорошо видны подушечка и четыре овальные вмятины от пальцев. Судя по следу, собака была, в самом деле, очень крупная.

Холмс покачал головой.

– Надёжно ли огорожен двор замка?

– Высокие каменные стены, а со стороны болота Тисовая аллея служит зелёной оградой.

– Какова её высота?

– Два человеческих роста.

– И нет выхода на болота?

– Есть калитка.

– Высокая?

– Фута четыре, не больше.

– Тогда всё объясняется просто, – скорее всего, какая-то бродячая собака перемахнула через калитку и нарушила ваш покой. Ваши страхи притягивают к вам собак, так бывает, поэтому отправляйтесь-ка в путешествие и ни о чём не думайте.

– Вы полагаете, что здесь нет злого умысла?

– Говорю же, вы столкнулись с цепочкой совпадений, которые притянуты вашими страхами. Есть в психологии такой принцип: «Чего боимся, то и получаем». Прежде всего, вам следует успокоиться, тогда всё пройдёт.

– Однако, дворецкий Бэрримор тоже видел мерцающую собаку, плывущую в воздухе вдали на болотах!

– Мало ли что ему привиделось в полумраке? Бросьте, сэр! Вы, в самом деле, устали. Когда отправляется ваш пароход?

– Послезавтра.

– Выспитесь хорошенько!

– Вы уверены, что вся причина заключается лишь в моём переутомлении? Вы ничего от меня не скрываете?

– Абсолютно уверен, и ничего не скрываю. Для полного вашего спокойствия я могу дополнительно изучить след на фотографии и рукописные письма вашего семейного предания, которое сегодня вы нам столь любезно прочитали. В каком отеле вы остановились?

– «Семирамида».

– Хорошо, завтра курьер вернёт вам фотографию и рукопись. Если появится дополнительная информация, я обязательно сообщу.

– О, сэр, я, кажется, впервые за последние полгода вздохнул с облегчением.

– Клинический случай, – тихо и мрачно сказал Холмс, когда наш гость, откланявшись, затворил за собой дверь. – Пойдите, а это что такое?

Он замер у занавески, вглядываясь куда-то вниз сквозь оконное стекло. Я приподнялся в кресле.

– Что там?

– Нет, показалось, а я хотел было мчаться на улицу прямо в домашних тапках. Ах, дорогой мой Ватсон, загадок в нашей жизни, в самом деле, становится всё меньше. Похоже, скоро мне придётся забросить эту никчемную практику и заняться выращиванием пчёл!

Нельзя сказать, что мы сильно удивились, когда на следующее утро узнали из газет, что сэр Чарльз погиб, выбросившись из окна отеля. Сила мысли Холмса была настолько велика, она действовала так магически, что его спокойствие мгновенно передалось мне.

– Я говорил вам, Ватсон. Клинический случай!

Тем не менее, удивиться нам всё-таки пришлось, когда через три недели сразу после завтрака в гостиную неожиданно явился высокий худой человек с длинным носом, который подобно клюву высовывался наружу между двух близко посаженных пронизательных серых глаз, живо блеснувших за толстыми линзами очков в золотой оправе. Посетитель выглядел достаточно изящно и в то же время как-то не вполне опрятно, его пальто выцвело, а брюки пузырились на коленях. Он был ещё довольно молод, однако его спина сутулилась, голова выдвигалась вперёд, и весь вид выражал такое благожелательное участие, которым обычно славятся люди весьма почтенного возраста.

– Доктор Мортимер, – сказал он, и его глаза под стёклами вдруг осветились мягким, добрым, однако невыразимо грустным светом.

Я только успел подумать, что где-то слышал эту фамилию, как Холмс участливо склонил голову.

– Соболезную, доктор, вы, как я понимаю, хорошо знали покойного сэра Чарльза Баскервиля и с недавних пор были его единственным близким другом.

– Совершенно верно, мистер Холмс. Я и мистер Степлтон, если быть более точным. Отчёты доктора Ватсона, из которых можно сделать вывод о ваших феноменальных способностях, так впечатлили нас, что, мы, искренне сочувствуя несчастному старику, горячо совето-

вали ему немедленно обратиться к вам. Если вы не смогли помочь, я уверен, никто не смог бы, поэтому, как бы ни была горька потеря, прошлого не вернёшь, и следует смотреть в будущее.

– Доктор Ватсон перед вами, вот он, познакомьтесь. Его отчёты вознесли меня до небес, и я напрасно надеялся, что внимание читателей сосредоточится исключительно на моём методе. Хорошо, а теперь прошу вас, присаживайтесь ближе к огню. Вчера нас радовала прекрасная октябрьская погода, а сегодня она стала просто отвратительной. С чем пожаловали?

В глазах Холмса блеснули странные искорки, хотя его волевое лицо с чётко очерченным орлиным профилем оставалось совершенно непроницаемым. Он пододвинул гостю коробку с сигарами, однако, едва тот открыл рот, продолжил.

– Итак, вы пришли поведать нам о том, что сэр Чарльз имел все признаки душевного расстройства и, пребывая в таком состоянии длительное время, в конце концов, прыгнул в окно головой вниз. В результате он сломал себе шейные позвонки, и наступила смерть. Следы постороннего воздействия на теле отсутствуют. Многие его предки погибли так же, и по слухам причиной их смерти было вовсе не душевное расстройство, а появление жуткого приведения, похожего на собаку. Вот почему вы верите, что гибель сэра Чарльза была не случайна, однако, как врачу, вам сложно поверить в то, что несчастного баронета погубил призрак, не так ли? Теперь вы на перекутке. Доктор, вы зря делаете изумлённое лицо! Сэр Чарльз, как вы знаете, был у меня и во всех подробностях поведал свои переживания, а о причине смерти мне стало известно из криминальной хроники.

– Знаете, меня волнуют черепа древних людей, и сравнение их с черепами наших современников до сегодняшнего момента было не в пользу последних, однако встреча с вами вселяет в меня надежду, что у человечества остался шанс. Вот, смотрите, ваши надбровные дуги...

– Бросьте, доктор! Разве для того, чтобы сделать вывод о деградации человека, непременно следует копаться в доисторических могилах?

– Между прочим, рытьё древних могил привело меня к новому увлечению. К примеру, знаете ли вы, джентльмены, что челюсти некоторых древних человеческих черепов светятся в темноте зеленоватым светом?

– Кости говядины тоже могут светиться в темноте, поскольку в них содержится белый фосфор, он окисляется на воздухе и светится зеленоватым светом.

– Если фосфор содержится во всех костях, то почему в темноте светятся лишь некоторые?

– Нарушение обмена веществ у некоторых животных и людей, вызванное неправильным питанием, иногда приводит к избытку фосфора, который, естественно, начинает скапливаться в костях и тканях. Поскольку вы имеете дело с древними черепами, у вас светятся доисторические черепа, однако если, например, забить нашу современницу свинью с упомянутыми нарушениями, у неё тоже будет светиться мясо в темноте.

Доктор Мортимер с нескрываемым восхищением посмотрел на Холмса.

– Сэр, вы открыли мне огромное поле для деятельности. Теперь у меня есть рабочая гипотеза, – древние люди покинули район Дартмура, поскольку ухудшилось питание!

– Выбили всех животных, обглодали леса, – естественно, питание ухудшилось. Можно подумать, что за последние пять тысяч лет что-то принципиально изменилось!

– Хм, вы меня восхищаете всё больше. Итак, с люминофором дела у меня не сложились, поэтому я с лёгким сердцем возвратился к черепам.

– Люминофор?

– Я изготовил смесь на основе доисторических костей. Чистый белый фосфор не годится, он чрезвычайно ядовит, и мне удалось получить смесь с использованием древних костей, которые в избытке нахожу на болотах Дартмура. Она поначалу великолепно светилась в темноте зеленоватым светом, и мне подумалось, что я сделал нечто полезное не только для науки, но и для практики, однако вскоре свечение прекратилось, и я понял, что проиграл.

– Бросили опыты?
– Даже выбросил все рукописи статей, в которых описывал ход эксперимента.
– А зачем вам люминофор?
– Как же! Тогда я смог бы поправить финансовое положение, провести масштабные раскопки древних могил, да мало ли что ещё.
– Интересно, а как за счёт люминофора можно поправить финансы?
– О! Думаю, что театры всего мира со дня своего появления мечтают о таком веществе. Представьте себе светящуюся в ночи тень отца Гамлета, или, например, Минотавра, который крадётся по тёмному Кносскому лабиринту...

– Простите, доктор, что прерываю вас, однако, как я полагаю, не одно лишь стремление пролить свет на жизнь первобытных людей Дартмура или желание заставить их кости служить современным людям привело вас ко мне?

Доктор Мортимер хлопнул себя по лбу.

– Конечно, нет, сэр! Прошу меня извинить. Похоже, моя жена права, я помешался на костях и говоря о своих пристрастиях, совершенно забываюсь.

– Так чего вы хотите от меня?

– Мистер Холмс, вы сами ответили на свой вопрос. Я хочу, чтобы вы как можно скорее подтвердили, что на самом деле в смерти сэра Чарльза нет ничего сверхъестественного.

– Зачем?

– Чтобы наследники не боялись вступить в наследство, Баскервиль-холл не должен пустовать.

– В котором часу он скончался, хотя бы приблизительно?

– Медицинское исследование тела позволило определить время достаточно точно. Смерть наступила около десяти часов вечера шестнадцатого сентября.

– Кто видел его живым в последний раз?

– Портъё отеля «Семирамида». Да, кстати, я захватил газету, в которой официальная версия описывается достаточно подробно. Вы не читали?

– Три недели назад нам попала на глаза короткая заметка в «Таймс», а с вашей местной хроникой мы не знакомились. Ватсон, будьте любезны, прочтите вслух.

Я взял из рук доктора Мортимера сложенную «Хронику графства Девоншир» за вчерашнее число и, развернув, прочитал следующее.

– Безвременная кончина сэра Чарльза Баскервиля, чьё имя упоминалось в связи с выдвижением кандидата от Либеральной партии в Среднем Девоншире на предстоящих выборах, потрясло графство. Несмотря на то короткое время, которое он успел прожить в Баскервиль-холле, – своём родовом поместье, его дружелюбный характер, необычайная щедрость и поразительное великодушие успели завоевать симпатию и уважение тех, кому посчастливилось познакомиться с ним. В дни, когда процветают выскочки, приятно видеть, что потомок старинного рода, несмотря на злую судьбу, ввергшую его семью в многочисленные напасти, оказался способным без чьей-либо помощи приумножить фамильное состояние и вернул былое величие своих предков. Как известно, сэр Чарльз нажил большие суммы в Южной Африке, удачно вложившись в акции. В то время как остальные продолжили спекуляцию, он благоразумно удержался от этого опрометчивого шага и вернулся в Англию. Всего два года он находился в Баскервиль-холле, однако многое успел реконструировать и улучшить, прежде чем смерть прервала столь блистательные начинания. Будучи бездетным, он всю свою энергию направлял на увеличение благополучия местных жителей, и многие из них имели личные причины, чтобы сожалеть по поводу его безвременной кончины. О щедрых дотациях на нужды населения, которые осуществлял сэр Чарльз, не раз упоминалось на страницах нашей газеты.

Обстоятельства смерти совершенно определённо установлены в результате расследования и тем более странными кажутся слухи о причинах его смерти, которые, как видно,

вызваны исключительно суевериями и предрассудками, продолжающимися, к сожалению, бытовать в нашей сельской местности. Тем не менее, нет никаких объективных оснований полагать, что имела место какая-либо злонамеренность со стороны кого-либо, и что смерть наступила вовсе не по естественным причинам. Сэр Чарльз всю жизнь был холост, что возможно наложило некий отпечаток на его образ жизни, поскольку, несмотря на свой достаток и несметные богатства, прислуга в Баскервиль-холле состояла всего из одной семейной пары – дворецкого Бэрримора и его жены, которая выполняла обязанности домашней хозяйки. Их показания, дополненные показаниями нескольких друзей, свидетельствуют, что с недавних пор, пять или шесть месяцев назад, состояние здоровья сэра Чарльза резко ухудшилось, он стал подвержен приступам острой депрессии, чего ранее с ним, кажется, никогда не случалось. Доктор Мортимер, близкий друг и лечащий врач покойного, подтвердил, что наблюдал у своего пациента явные признаки нервного истощения. По его настоятельной рекомендации сэр Чарльз решил отказаться от участия в парламентских выборах, чтобы отправиться в длительное путешествие, однако этим планам не суждено было сбыться.

В лондонском отеле «Семирамида», в котором он остановился на пути в морской порт, наступила трагическая развязка. Как показал доктор Мортимер, они расстались в фойе отеля в семь часов вечера. Доктор спешил к своему давнему пациенту, которого знал ещё с тех времён, когда работал в госпитале на Чаринг-кросс, а сэр Чарльз отправился в свою комнату на первом этаже. В одиннадцатом часу вечера плотник отеля, который готовил инструменты, чтобы с утра начать ремонт окна соседнего номера, обнаружил бездыханное тело постояльца. Сэр Чарльз без признаков жизни лежал в одних брюках и сорочке во дворе под открытым окном своей комнаты. Высота, с которой упал покойный, если учесть, что цокольный этаж этого здания довольно высок, тем не менее, не превышала десяти футов. Прибывший по вызову плотника портёг поначалу не узнал своего постояльца, настолько были искажены черты его лица. Медицинский осмотр показал, что смерть сэра Чарльза наступила в результате перелома шейных позвонков. Осмотрев обстановку комнаты, полиция в лице детектива Скотланд-Ярда Лестрейда пришла к выводу, что покойный находился в состоянии застарелой депрессии, вызванной хронической усталостью. Согласно выводам дознания, когда сэру Чарльзу сделалось плохо, он открыл окно комнаты, чтобы плотнуть свежего воздуха, высунулся в оконный проём, голова закружилась, он выпал наружу и сломал шею о каменные плиты двора. Никаких следов постороннего воздействия на теле не обнаружено. Судья-коронёр вынес вердикт в соответствии с медицинским заключением. Вывод суда о том, что смерть наступила в результате естественных причин, имеет чрезвычайное значение, поскольку графство с нетерпением ждёт нового наследника и надеется, что он с удвоенной энергией продолжит великолепные начинания, которые, к сожалению, были прерваны столь печальным образом.

Тем не менее, таинственные слухи, согласно которым смерть сэра Чарльза была вызвана некими мистическими причинами, не утихают, что может воспрепятствовать прибытию наследника в Баскервиль-холл. Как удалось установить, им является следующий в роду Баскервильей, мистер Генри Баскервиль, если он жив, конечно, – сын покойного младшего брата сэра Чарльза. Как стало недавно известно, молодой человек находится в Америке, и наводятся справки, чтобы сообщить ему хорошую весть о баснословном состоянии, которое волею непредсказуемой судьбы идёт ему прямо в руки.

Я сложил газету. Холмс с доброй улыбкой посмотрел в грустное лицо доктора Мортимера.

– Вы полагаете, что те частные факты, которые у вас имеются, и которые свидетельствуют о том, что сэра Чарльза что-то напугало, суд намеренно не принял во внимание? Лишние разговоры на эту щекотливую тему могут отпугнуть наследников от Баскервиль-холла, а это чрезвычайно не выгодно местным властям, привыкшим к щедрым пожертвованиям сэра Чарльза, верно?

– Точно так.

– След, который вы вместе с сэром Чарльзом обнаружили на Тисовой аллее неподалёку от гравийной дорожки, убеждает вас в том, что страхи покойного не были напрасны, однако призрак не может оставлять физические следы, не так ли?

– Совершенно верно. Между тем, факты свидетельствуют о том, что в окрестностях Баскервиль-холла, в самом деле, бродит привидение в образе огромной чёрной собаки.

– Какие факты?

– Несколько местных жителей видели на болотах существо, очень похожее на то, которое описано в недавно обнаруженной семейной хронике Баскервильей. Все они в один голос утверждают, что, призрак является только тем, кто ходит по болоту один. Он невероятных размеров, мерцает в темноте, плывёт в воздухе и выглядит просто ужасно. Я по очереди опросил трёх рассказчиков, которым, как я знаю, вполне можно доверять. Один из них – крестьянин в здравом, как говорится уме, и твёрдой памяти, второй – ветеринар, а третий – фермер, он сам или с помощью нанятых пастухов пасёт своих овец на близлежащих пастбищах. Все они поведали мне об отвратительном чудовище, точно соответствующем по описанию дьявольской собаке из легенды. Дело вовсе не в моих личных переживаниях, у нас в округе воцарился настоящий ужас. Люди боятся в одиночку ходить по болотам после захода солнца.

– И вы, человек науки, врач, верите в сверхъестественные силы?

– Мистер Холмс, я не знаю, чему верить, поэтому пришёл к вам.

Холмс обескуражено пожал плечами.

– Пока что мои расследования ограничивались этим миром. До сих пор я, насколько мне позволяли мои скромные возможности, боролся со злом, однако вступление в схватку с самим Отцом зла мне представляется слишком самонадеянным. Чтобы я приступил к расследованию, вы, доктор, должны, по крайней мере, признать, что следы чудовища материальны. Вспомните легенду. Чудовище не оставляет никаких следов.

– Говорят, что она могла опалить.

– В таком случае, как я могу помочь вам? Если в деле присутствуют сверхъестественные силы, то расследовать его бесполезно, в то же время вы настоятельно просите меня начать расследование, утверждая, что сверхъестественное существо оставляет следы.

– Зная частности, я всерьёз беспокоюсь за сэра Генри, который через час прибывает на вокзал Ватерлоо. – Доктор взглянул на свои часы. – Точнее, через час с четвертью.

– Наследник?

– Да, после смерти сэра Чарльза мы со Степлтоном, будучи поверенными в делах баронета, навели справки, и нашли его. Он вполне успешный фермер из Канады. Согласно тем сведениям, которые нам удалось получить, сэр Генри – человек безукоризненной репутации.

– Других наследников нет, я полагаю?

– Нет. Единственный другой кровный родственник, следы которого нам удалось разыскать, был Роджер Баскервиль, младший из трёх братьев, а сэр Чарльз был старшим. Средний брат умер молодым, и сэр Генри – его сын. Роджер был, к сожалению, паршивой овцой в семье. Он находился под следствием, однако сумел бежать в Центральную Америку, где скончался в тысяча восемьсот семьдесят шестом году от жёлтой лихорадки. Сэр Генри – последний из рода Баскервильей, он прибывает через один час и пять минут, и я встречаю его на вокзале Ватерлоо, поскольку получил телеграмму, что этим утром он прибыл в Саутгемптон. Итак, мистер Холмс, что вы посоветуете с ним делать?

– Почему бы ему не последовать в имение своих отцов?

– Это, конечно, кажется наиболее естественным. Тем не менее, примите во внимание, что те представители рода Баскервильей, которые следовали туда, неизменно встречали там свой роковой конец. Я уверен, что если бы сэр Чарльз не умер так скоропостижно, он попросил бы меня не допустить, чтобы последний из рода Баскервильей прибыл в это смертоносное место. Я

опасаюсь, что не смогу принять объективного решения, поскольку имею явный личный интерес в этом деле. Вот почему я подробно изложил вам обстоятельства этого странного дела и прошу вашего совета. Скажите же, наконец, угрожает ли наследнику опасность?

Холмс погрузился в глубокое раздумье.

– Доктор, давайте говорить откровенно, – через минуту сказал он. – Вы считаете, что некое мистическое присутствие делает Дартмур небезопасным для пребывания Баскервильей. Таково ваше мнение?

– По крайней мере, вы видите, я могу долго говорить о том, что некие, пусть не всегда объяснимые доказательства, тем не менее, свидетельствуют об этом.

– Хм, если, в самом деле, ваша теория о наличии сверхъестественных сил, оставляющих материальные следы, верна, причинить зло сэру Генри в Лондоне так же легко, как и в Девоншире. Вряд ли можно поверить в то, что дьявол ограничил свою власть лишь вашим сельским округом.

– Вы смотрите на дело легкомысленно, мистер Холмс, и даже шутите, потому что лично не сталкивались с тем, что бросает людей в оторопь. Итак, ваш совет, как я полагаю, состоит в том, что молодому наследнику будет в Девоншире так же безопасно, как в Лондоне. Что вы рекомендуете мне сделать?

– Я рекомендую вам, сэр, взять кэб, и отправиться на вокзал Ватерлоо встречать сэра Генри.

– А затем?

– Вы не скажете ему ни слова об этом деле, пока я не приду к конкретному решению.

– Как долго придётся ждать?

– Ровно через двадцать четыре часа у вас на руках будет мой вердикт. Повторяю, что сэру Генри не стоит ничего говорить о ваших сомнениях. Пусть пока он наслаждается Лондоном. Завтра, в десять часов утра, доктор, я буду чрезвычайно обязан, если вы навестите меня здесь, и я подскажу вам, что делать дальше, если вы придёте вместе с сэром Генри.

– Я сделаю так, как вы просите, мистер Холмс.

Доктор Мортимер быстро записал время встречи на манжете сорочки и поспешил из комнаты, рассеянно оглядываясь по сторонам, однако Холмс остановил его в тот момент, когда он выходил на лестницу.

– Ещё один вопрос, доктор Мортимер. Вы говорите, что несколько человек из местных жителей видели призрак на болотах до отъезда сэра Чарльза в Лондон?

– По крайней мере, три человека точно видели.

– А видел ли кто-нибудь призрак после отъезда сэра Чарльза и его скоропостижной смерти?

– Нет, после его отъезда я ничего подобного ни от кого не слышал.

– Благодарю. До свидания.

Когда доктор вышел из комнаты, Холмс повернулся ко мне. Я увидел, что к нему снова вернулись спокойная собранность и предельная сосредоточенность. Они свидетельствовали, насколько я знал, что, наконец-то появилась действительно достойная задача.

– Вы со мной, Ватсон?

– А куда вы?

– В «Семирамиду».

– Если я смогу быть полезным.

– Я хотел бы, чтобы вы присутствовали. Мне нужен человек, с которым я мог бы посоветоваться, да и для ваших отчётов пригодится. Дело, похоже, в самом деле, обещает быть интересным.

– Откуда такая уверенность? По-моему, в нём присутствуют лишь одни предрассудки.

– Посмотрим, друг мой, посмотрим.

Глава третья. Проблема

Мы взошли на мраморные ступени и миновали солидного швейцара. Роскошные помещения напоминали апартаменты Древнего Востока. Я, как видно, напрасно ожидал, что «Семирамида» произведёт неприятное впечатление. Здесь погиб человек, которого мы не смогли уберечь, однако сияние отеля в лучах солнца, которое вдруг выглянуло из-за низких туч, сняло гнетущее чувство. Где-то в глубине души у меня всё же теплилась надежда, что кончина сэра Чарльза вызвана всего лишь трагической случайностью, спровоцированной затяжной депрессией, однако Холмс походил на гончую, почуявшую след, и по опыту я знал, что обыкновенные несчастные случаи такую реакцию в нём не пробуждали.

Портье, юркий брюнет средних лет, увидев визитную карточку моего друга, кивнул и повёл нас в прохладный затемнённый коридор, устланный мягким персидским ковром.

Холмс замедлил шаг.

– Здесь всегда такое плохое освещение?

– Да, сэр, хозяин считает, что оно создаёт атмосферу вавилонской сказки.

Мы двинулись дальше и скоро остановились перед массивной дверью под номером 1А.

– Вот здесь он остановился и провёл свой роковой день.

– Когда вы видели его живым в последний раз?

– Я говорил полиции, в десять часов вечера или чуть позже.

– При каких обстоятельствах?

– Где-то в девять вечера наш хозяин, узнав, кто оказал честь своим присутствием в отеле, пригласил сэра Баскервиля на чашку кофе, он пробыл вместе с нашим хозяином в его кабинете, наверное, около получаса, после чего вернулся к себе. В начале одиннадцатого он вышел из номера, попросил обновить чернила в чернильнице, после этого заперся внутри. Больше живым я его не видел.

– Кто обновлял чернила?

– Я, сэр.

– Окно было открыто?

– Кажется, оно было немного приподнято, поскольку в номере слегка сквозило.

– Кто-то из служащих отеля видел его живым после этого?

– Нет, сэр.

Щёлкнул замок, распахнулась дверь, и в нос ударил запах нежилого помещения. Холмс, поведя ноздрями, шагнул внутрь.

– Как видно, здесь нечасто останавливаются.

– Вы правы, сэр, все хотят на солнечной стороне, а эта комната выходит в затенённый глухой внутренний двор. Кроме этого, мы планируем провести ремонт, и пока намеренно никого сюда не селим.

– Выходит, что со дня трагедии здесь никто не останавливался?

– Никто.

– А после того, как обнаружили тело под окном, вы заходили сюда?

– Да, сэр.

– Кто-то из служащих отеля заходил сюда до вас после того, как обнаружили мёртвое тело?

– Нет, сэр. Мой напарник дежурит у входа, а я нахожусь у стойки и контролирую этажи. Больше из служащих на ночь никто не остаётся.

– А где расположен кабинет хозяина?

– В цоколе.

– Хозяин остался на ночь?

– Нет, выпив с гостем чашку кофе, он уехал домой. Я лично проводил его, и видел, как он сел в экипаж.

– Когда вы подошли к номеру, дверь по-прежнему была заперта изнутри?

– Нет, она была распахнута настежь.

– Хм, дверной замок, как я вижу, цел.

– Цел и невредим, сэр.

– А окно?

– Было открыто так, что, в самом деле, можно было вывалиться наружу или выпрыгнуть с разбега головой вниз.

Мы вошли внутрь. Комната отличалась роскошной обстановкой, в которой в то же время не было ничего лишнего, – слева располагалась высокая двуспальная кровать из вишневого дерева, справа возвышался впечатляющий платяной шкаф, а напротив у единственного окна стоял дубовый рабочий стол с лампой и письменными принадлежностями – чернильницей, пером и листками чистой бумаги, аккуратно сложенными в стопку.

Холмс указал кончиком трости на окно.

– А это что такое?

Оконный переплёт состоял из девяти ячеек. Три средние ячейки несли горизонтальную надпись, сделанную очень крупными буквами какой-то полупрозрачной тёмно-бордовой краской. В левой ячейке было вписано – KEEP AWAY, средней – THE HOUND OF, а правой – BASKERVILLES.

– Держи в отдалении Собаку Баскервильей, – сказал я, машинально прочитав вслух текст, выведенный на оконном стекле. – Что за бред?

Портье засуетился так, словно это он сделал надпись.

– О, наш плотник, он ремонтирует соседний номер, собирается менять там тухлявую оконную раму, и мы просим его заодно стереть эту глупую надпись, не знаю, откуда она появилась, вот, теперь ждём, когда он, наконец, соизволит.

– Когда вы обновляли чернила, надпись была?

– В комнате царил полумрак, жилец почему-то не зажигал свет, поэтому я не обратил внимания, сэр.

Холмс мягко, как леопард к добыче, приблизился к подоконнику.

– Когда появилась надпись?

– После того, как в номер заселился сэр Чарльз Баскервиль, это было, если не ошибаюсь, пятнадцатого сентября. Поговаривали, что он смертельно боится собак, всюду, даже в туалетную комнату, ходит с палкой, и у него, кажется, не всё благополучно с головой. Я лично ничего такого особенного за ним не заметил, кроме того, что с тростью он, в самом деле, не расставался и всегда держал её так, словно намеревался врезать по зубам незримому врагу.

– А кто говорил, что у него что-то с головой?

– Детектив Скотланд-Ярда Лестрейд, он приезжал осматривать место происшествия. Я грешным делом думаю, сэр, что наверняка это сам покойный сделал надпись на стекле, когда на него, как говорится, нашло...

– Окно традиционное, створка отодвигается вверх. Вы видите, что надпись сделана снаружи?

– Да, сэр, вижу. Думаю, он поднял створку, высунулся и написал. Такие люди, знаете ли, очень странные! Вот у жены моего брата есть одна странность, она давно живёт с ним вдвоём под одной крышей, детей нет...

Пока портье рассказывал про жену брата, дрожащую, как кролик, от одного лишь мерцания внезапно гаснущих в одно и то же время газовых фонарей и странным образом теряющую, а потом обнаруживающую свои вещи в самых неожиданных местах, Холмс поднял створку и высунулся из окна. В таком положении, в самом деле, можно было что-то написать

снаружи, если бы квадраты оконного переплёта не уходили в щель между поднятой створкой и самим окном. Холмс попробовал опустить её вниз, однако она прижала его к подоконнику, не давая выпростать вверх руку. Очевидно, что, находясь в комнате, написать что-либо снаружи на стекле было практически невозможно.

Мой друг посмотрел в безмятежное лицо портье.

– Ваш брат – нехороший человек, у него отсутствуют всякие моральные принципы. Он делает вид, что уходит из дома, а сам снаружи крадётся в темноте под окна и незаметно подкручивает газовые фонари во дворе. Кроме того, он таскает у жены личные вещи, а затем подбрасывает их ей, желая свести её с ума и сдать в пансион для душевнобольных, поскольку у него давно появилась хорошенькая замена.

– Какой кошмар! А как вы узнали?

– Пустяки! Вы лучше скажите, полиция видела надпись на окне?

– Нет, когда они вошли в комнату, окно было открыто, и надпись была не видна. Я обнаружил её только после ухода полиции, когда опустил оконную створку вниз перед тем, как запереть комнату.

Холмс тщательно исследовал раму и подоконник.

– Полиция осматривала личные вещи покойного? Там были какие-нибудь плотницкие инструменты?

– Нет, только бельё, бритва и всё такое.

– Бритва? Нет, бритва не подойдёт.

Портье с изумлением уставился на моего друга, однако он, не обращая на него никакого внимания, принялся осматривать дверь, косяк и всю комнату, при этом не забыв заглянуть под кровать и шкаф.

Наконец, он подошёл к столу.

– Вы присутствовали при полицейском осмотре?

– Да.

– Можете вспомнить, что на момент осмотра находилось на столе?

– И вспоминать нечего, всё было так, как сейчас.

Мой друг поманил меня пальцем, и я подошёл к нему. Справа в тени настольной лампы притаилась бронзовая пепельница, на краю которой лежала недокуренная сигара, похоже, та самая, которую зажигал у нас сэр Чарльз.

– Да, Ватсон, вы правильно подумали, та самая сигара, я хорошо запомнил её. – Холмс, наклонившись, внимательно осмотрел окурок и снова повернулся к портье. – Вспомните хорошенько, любезный, здесь всё действительно так и было?

– Пожалуй, нет. Когда удалилась полиция, а ушла она очень скоро, придя к выводу, что произошло самоубийство, я поднял недокуренную сигару с пола, она была ещё тёплая, и положил на край пепельницы.

– А где вы её нашли?

– Под столом, вот здесь.

– Хорошо, ручка находилась на своём месте у чернильницы, а листки бумаги лежали в стопке, как сейчас?

– Нет, ручка валялась на коврик у двери, а листки разметало сквозняком по всей комнате.

– И никаких записей на листках?

– Совершенно никаких, сэр.

– Вы все листки подобрали?

– Абсолютно все, сэр!

Мой друг осторожно снял плафон с никелированной настольной керосиновой лампы и всмотрелся в фитиль.

– Похоже, что, в самом деле, её давно не зажигали.

– О, да, сэр, я говорил вам, он, вселившись в номер, почему-то не зажигал свет. Полиция, осматривая комнату, зажгла лампу, однако осмотр длился минуту, не больше. Когда полицейские ушли, я кое-что прибрал в комнате, закрыл окно, погасил лампу и вышел, заперев дверь.

Холмс быстро перебрал листки, все они были совершенно чистые, однако его взгляд задержался на одном.

– Этот листок был под тем листком, на котором писали, и если писали карандашом, мы сможем прочитать текст, – сказал он, поворачивая бумагу под косым углом к свету. – Нет, писано пером, а у пера давление на бумагу по сравнению с карандашом гораздо меньше, вряд ли удастся что-либо разобрать, тем не менее, попытайтесь следовать.

Он бережно вложил листок в свою записную книжку.

– Ватсон, где-то здесь в комнате должен быть ещё один такой листок, он густо исписан чернилами.

Мы обследовали каждый квадратный дюйм, в том числе под кроватью и шкафом, портье старательно делал вид, что помогает нам, в действительности толку от него было мало. Выбившись из сил, мы не обнаружили ничего, кроме паутины с засохшими мухами и мелкой как мука пыли.

Холмс подошёл к окну и сделал аккуратный соскоб перочинным ножом, после этого вложил полученные частицы краски в чистый конверт и снова повернулся к портье, который восторженно следил за его манипуляциями, словно ребёнок за действиями фокусника в цирке.

– Покажите смежный номер.

Соседняя комната под номером 1Б была зеркальным отражением комнаты, которую мы только что осмотрели, с той лишь разницей, что платяной шкаф, письменный стол и кровать были накрыты чистыми, однако донельзя застиранными простынями.

– Давно здесь идёт ремонт?

– Три недели, как должен идти, однако плотник, как бы сказать, ещё не приступил.

– Он чувствует себя богом и обожает шотландский виски, а терпите вы его только потому, что он не просит денег и работает за выпивку себе и объедки с кухни для жены и детей.

Портье широко распахнул свои длинные как у девушки ресницы.

– Сэр, откуда вы знаете?

Вместо ответа Холмс сделал изящное движение носком ботинка, и из-под кровати под ноги портье дружной гурьбой выкатились пустые бутылки.

– Значит, плотник не приступал к ремонту, и обстановка здесь точно такая, какой она была три недели назад?

– Совершенно верно, сэр.

Он так же внимательно, как в номере сэра Чарльза, осмотрел дверь, косяк, пол, подоконник и оконную раму, которая настолько заинтересовала его, что он повторно изучил её, на этот раз с помощью лупы.

– Пружина ржавая и слабая, не так давно её отпирали снаружи, просунув в трухлявую щель превосходный стальной нож с изогнутым лезвием или, может быть, серп. Вот, видите, изогнутое серпом лезвие задело верхний слой голубоватой краски, оставило характерный след и оцарапало ржавую защелку. Длина клинка, как мне подсказывает нехитрая формула, составляет шесть дюймов. А ваш плотник не мог вскрыть окно таким лезвием?

– Ума не приложу, зачем это могло ему понадобиться! Ни ножа, ни серпа я у него не видел. Он планировал поменять старую оконную раму, однако, как я говорил...

– Вы говорили, что просили его стереть надпись на оконном стекле соседнего номера. Интересно, а как бы он добрался туда? От оконного слива до земли здесь, если не ошибаюсь, не менее десяти футов.

– У нас есть пожарная лестница.

– Где она?

– Там, где обычно, – висит на скобах во дворе под окнами.

Когда мы закончили осмотр и спустились вниз, оказалось, что во двор выходят лишь окна номеров 1А и 1Б, в которых мы только что побывали, а с трёх других сторон миниатюрный двор закрывают глухие стены. Холмс, убедившись, что деревянная пожарная лестница находится на своём месте, с трудом приподнял её. Мы вдвоём сняли её со скоб и приставили к стене. Мой друг взобрался наверх и протянул указательный палец к надписи на стекле. Было очевидно, что из такого положения написать что-то на окне не составило бы труда даже женщине или подростку.

Он посмотрел на меня сверху и грустно улыбнулся.

– Да, Ватсон, забраться сюда не составит труда даже ребёнку.

– А где была пожарная лестница, когда плотник обнаружил тело сэра Чарльза? – сказал я, повернувшись к портье.

– Она была на своём обычном месте, сэр, висела под окнами на скобах.

Холмс спустился вниз.

– Этот двор запирается?

– Нет, сэр, здесь нет ничего ценного, запираются лишь задние двери отеля, поэтому любой при желании может войти сюда через узкую невысокую арку, видите, она там.

– Я могу побеседовать с плотником?

– Боюсь, что нет, сэр, он сейчас дома и очень плохо себя чувствует.

– Ага, как видно, лекарство заканчивается, что ж, ждите, скоро приползёт. Как только появится, отправьте его ко мне, вот вам моя визитная карточка.

– Да, сэр!

– Я заметил, что номер 1Б не запирается.

– Там нет никаких вещей, сэр, а плотник проводит ремонт.

– А в день кончины сэра Чарльза номер 1Б был заперт?

– Нет, сэр.

Мы с Холмсом переставили лестницу к окну номера 1Б, мой друг вновь взобрался по её ступеням и принялся тщательно исследовать оконную раму. Осмотр невооружённым глазом, как видно, опять не удовлетворил его. Взяв в руки лупу, он принялся осматривать каждый дюйм на дереве, особенно в тех местах, где краска облезла.

Вдруг раздался победный возглас, по всей видимости, удалось обнаружить нечто интересное. Достав из кармана пинцет, Холмс один за другим подцепил парочку каких-то микроскопических предметов, бережно вложил их в чистые конверты, аккуратно опустил створку окна и спустился вниз.

– Скажите, уважаемый, а ваш плотник носит чёрную шерстяную накидку и тёмную фетровую шляпу?

– Никогда таких вещей на нём не видел, сэр. Какая там шляпа! Он зимой и летом, в дождь и сушь, подставляет свою багровую лысину небу.

– Могу я вас попросить, если потребуется, мы пришлём бумагу из полиции, чтобы плотник пока ничего не трогал в номере 1Б, в особенности раму и старую защелку на ней?

– Конечно, сэр, я предупрежу плотника, когда он появится, а письменную просьбу полиции направьте хозяину отеля.

Холмс хотел опустить лестницу, однако в этот момент стремительная, как пружина, четвероногая тень сбила его с ног. Чёрная собака, как я машинально уловил, – огромный дог, – жадно урча, застучала лапами по перекладинам, и в следующий миг длинный розовый язык принялся усердно слизывать краску с оконного стекла. Я помог моему другу подняться, мы вместе подняли глаза, и, не сговариваясь, громко расхохотались. Портье просветлел лицом.

В первое мгновение после столь бесцеремонного появления пса он, кажется, подумал, что мы возмутимся.

Холмс указал тростью на зверя.

– Чья эта милая собачонка?

– О, сэр, это собака владельца нашего отеля, она невероятно огромная, однако совершенно безобидная, иногда убегает из комнаты хозяина и, как угорелая, носится по двору. Снут, пошёл вон отсюда!

Пёс, поджав уши, послушно сполз задом вниз на несколько перекладин, затем спрыгнул на землю и принялся скакать вокруг нас, норовя лизнуть прямо в лицо.

Обратно мы шли пешком. Холмс выглядел печальным и задумчивым.

– Надпись сделана губной помадой, Ватсон.

– В самом деле? Как вы догадались? Снут подсказал? Он, как видно, обожает сладкое. Милый пёсик!

– По запаху и внешнему виду засохших соскобов я могу определить тридцать семь видов женской губной помады. Эта – французская, и я, кажется, знаю магазин, который продаёт её в Лондоне.

– Хм, наверняка, надпись помадой сделала женщина, и она знает легенду о собаке. Кто она, – друг, враг или просто глупышка, решившая пошутить? Шутка, надо сказать, оказалась весьма неудачной! Нет, каково, а? Она писала буквы зеркально, чтобы он сразу и без проблем прочитал её послание, находясь внутри.

– Прогуляетесь, Ватсон?

– Если я больше ничем не могу вам помочь.

– Напротив, друг мой. Я вижу, у вас закончились сигареты, поэтому, когда навестите «У Брэдли», заодно попросите его отправить мне фунт крепчайшей махорки, хорошо? Благодарю. Будет также здорово, если, конечно, вы найдёте это удобным, не возвращаться домой до самого вечера.

Я знал, что одиночество и уединение были необходимы моему другу в те часы интенсивного умственного напряжения, когда он взвешивал каждую крупицу доказательств, отделяя зёрна от плевел. По этой причине я провёл весь день в своём клубе.

Было около девяти, когда я вновь поднялся в нашу гостиную. Едкие воскурения крепчайшей махорки схватили меня за горло, и я зашёл в диком кашле. Сквозь туман едва проступали очертания Холмса, одетого в халат. Он склонился над кофейным столиком, на котором были развёрнуты артиллерийские карты очень крупного масштаба.

– Ватсон, откройте окно и подсаживайтесь сюда, будем изучать место наших будущих боевых действий.

– Ого, а что это за внушительный прямоугольник в самом центре?

– Баскервиль-холл.

– А вокруг – роцца?

– Совершенно верно. А вот это, я думаю, Тисовая аллея, хотя название не указано, она тянется здесь, а болото, видите, справа от неё. Небольшая группа домов недалеко от станции Кум-Трейси, – селение Гримпен, где расквартирован наш друг доктор Мортимер. Внутри окружности радиусом пять миль имеется, как вы видите, всего несколько отдельно стоящих домовладений. Вот Лафтер-холл, мы о нём, кажется, ничего не слышали, а вот этот дом, скорее всего, резиденция антиквара Степлтона, если я правильно запомнил его имя. Чуть дальше на болотах есть две фермы – Хай Тор и Фулмайер, а в четырнадцати милях от нашей условной окружности расположена большая тюрьма для осуждённых, это окраина Принстауна. Вокруг этих разбросанных точек простирается пустынное безжизненное болото. Итак, вот вам сцена, на которой некто возжелал разыграть трагедию, и нам следует подыграть, чтобы раскрыть замаскированного злодея.

- Это, похоже, дикое место.
- В самом начале нашей захватывающей пьесы возникают два вопроса. Прежде всего, имеется ли здесь вообще преступление? Если имеется, – какое именно, и как совершено. Вы хорошенько обмозговали это дело, верно?
- Да, весь день только о нём и думал.
- Что-нибудь надумали?
- Боюсь, что всё слишком запутано.
- Я бы так не сказал, – имеется несколько вполне осязаемых точек, которые могут легко привести к разгадке.
- Не вижу ничего подобного.
- Например, тяжеленная пожарная лестница, надпись губной помадой на стекле, незажжённая в вечерних сумерках лампа, а?
- Да, в самом деле, портье говорил, что сэр Чарльз не зажигал её.
- Что из этого следует?
- Он сидел за столом, и, несмотря на воцарившийся полумрак, не зажигал свет, видимо, довольствуясь одним лишь угольком зажжённой сигары.
- Ещё он что-то писал. Удобно писать в сумерках?
- Нет.
- А он сидел, писал и всё равно не зажигал лампу. Внезапно появляется нечто, он не успевает дописать текст и погибает. Вывод?
- Совершенно ничего не идёт в голову.
- Представьте, человек закуривает сигару, садится к окну за стол, чтобы что-то написать, свет не зажигает, пожарная лестница подставлена к стене снаружи, надпись губной помадой сделана, а окно открыто...
- Откуда вы знаете, что пожарная лестница была приставлена снаружи?
- Дверь комнаты была заперта изнутри, поэтому, очевидно, что что-то внезапно испугало его со стороны открытого окна в тот момент, когда он писал. Чтобы испугать человека, следует подкрасться к нему совершенно бесшумно, а вы сами видели, что эту проклятую лестницу без шума и ругани приставить к стене невозможно, она слишком тяжёлая. Из этого следует, что тот, кто испугал баронета, тихонько забрался по лестнице, которая была приставлена перед этим.
- Откуда вы знаете, что окно было открыто?
- Если бы оно было закрыто, сэр Чарльз просто не смог бы отпереть его, когда чуть позже, охваченный ужасом, выпрыгнул через него во двор.
- Почему?
- Там очень тугая защелка, я проверил, без инструментов не обойтись, однако у него, кроме чернильницы и ручки, как вы знаете, никаких инструментов под рукой не было. Возможно, что освободить окно от защелки, однако пока полностью не открывать его, а затем приставить к нему лестницу он попросил плотника, который, околавываясь поблизости, изображал, что делает ремонт, а в действительности искал выпивку. Кроме того, портье, как вы помните, меняя чернила, заметил, что оконная створка была слегка приподнята. Перед тем, как сесть за стол, сэр Чарльз наверняка открыл её полностью и стал ждать. Кого?
- Хм, сэр Чарльз знает, что лестница приставлена в глухом внутреннем дворе к его окну, не зажигает свет, спокойно закуривает сигару и даже что-то пытается писать, несмотря на полумрак. Он спокоен, никаких признаков душевного расстройства...
- Какое там душевное расстройство! Он пребывает в сладостной истоме от предвкушения... чего?
- Свидания!

– Конечно, Ватсон! Он ждал свою пассию, а вместо неё в окно явилось нечто такое, от чего у него глаза вылезли из орбит, волосы встали дыбом, а лицо исказилось до неузнаваемости.

– Она приходила, однако не застала его и сделала условную надпись на стекле первым, что попало под руку – губной помадой?

– Да.

– Почему она его не застала?

– Возможно, он как раз пил кофе с хозяином отеля.

– В чём смысл надписи? Почему он, возвратившись в номер и, конечно, заметив надпись, открыл окно полностью и принялся ждать? Вероятно, надпись подсказала, что она где-то поблизости, скоро придёт, и свидание состоится.

– Вероятнее всего, как раз наоборот. Она понимала, что ему угрожает опасность и знала, что не сможет прийти на свидание, поэтому сделала предостерегающую надпись, однако баронет её не понял.

– В самом деле, трудно понять! Что означает «Держи в отдалении Собаку Баскервильей»?

– Скорее всего, она спешила и допустила ошибку, пропустила слово from, поэтому вместо «берегись» получилось «держи в отдалении», чем ввела баронета в заблуждение вместо того, чтобы предостеречь. Скажу вам больше, человек из плоти и крови, а вовсе не Собака Баскервильей, ожидал прихода сэра Чарльза в соседнем номере, на нём были тёмная шляпа и чёрная накидка, а с собой у него был турецкий нож или серп. Он знал, кого ждёт баронет, и был уверен, что в назначенный час, очевидно, в десять, свидание не состоится, – любовница не придёт.

– Вы, конечно, обнаружили следы, свидетельствующие, что кто-то забирался через окно в соседний номер, и это был не плотник. А как вы поняли, что он был одет именно так?

– Я тщательно осмотрел оконную раму и створку, они старые, облезли от краски и местами занозистые, поэтому он не уберётся и пару раз зацепился одеждой и головным убором, скорее всего, шляпой. Со створки я снял кусочек сваленного козьего пуха, из него делают фетр – обычный материал для шляп, а на оконной раме я обнаружил практически невидимый невооружённым глазом обрывок крашеной ткани из овечьей шерсти, – обычный материал для изготовления накидок и плащей.

– Он поддел вверх ржавый оконный запор серпом или турецким ножом сквозь щель, поднял створку и влез в номер?

– Да.

– А к окну подобрался по приставленной лестнице?

– Да.

– Когда?

– Сразу после того, как пассия сэра Чарльза вывела предупреждение на стекле и удалась. Возможно, он следил за ней, или она была с ним заодно, что менее вероятно.

– Однако лестница была приставлена к окну номера сэра Чарльза. Как он сумел подобраться к окну соседней комнаты?

– Там, под окнами на стене имеется довольно широкий приступок, вы не заметили? Взобравшись по лестнице к окну сэра Чарльза, он сошёл на приступок, подобрался по нему к соседнему окну, вскрыл его и влез в комнату 1Б. Любой подросток может проделать такой трюк, в этом нет ничего сложного.

– Почему плотник не обнаружил его?

– В комнате идёт ремонт, всё закрыто простынями. Когда он услышал шаги плотника, если они вообще были, то спрятался под простынёю, а вероятнее всего, он следил за плотником, и знал, что он ушёл.

– В окно мог влезть собутыльник плотника.

– Собутыльник не мог знать легенду, а сэра Чарльза смертельно испугала именно Собака Баскервильей, не зря же его пассия хотела вывести на стекле «Берегись Собаку Баскервильей!» Кроме того, когда он добился своей цели, и поражённый ужасом баронет выпрыгнул в окно головой вниз, он спустился по лестнице и вернул её на обычное место. Собутыльнику плотника незачем было так поступать, а злоумышленник таким способом запутал следы. После такого фокуса я сомневаюсь, что плотник признался полиции в том, что по просьбе сэра Чарльза приставлял лестницу к его окну. Зачем ему лишняя головная боль? Его могут заподозрить, а он хочет продолжать спокойно сосать виски и царствовать в отеле.

– А куда делся сам плотник?

– Скорее всего, сэр Чарльз отослал его после того, как он освободил ему окно от защелки и приставил снаружи лестницу.

– Куда отослал, зачем?

– Дал денег и отправил куда-нибудь в пивную, чтобы он не мешал свиданию с женщиной.

– А зачем было солидному человеку таким образом встречаться с женщиной? И какая женщина согласится лазить по окнам?

– Он не желал, чтобы кто-то из служащих отеля видел её, а возможно, что она сама настаивала на таком способе, и он согласился.

– Хорошо, допустим, однако если злоумышленник, засевший в соседнем номере, был человек, как он мог превратиться в Собаку Баскервильей?

– Тем не менее, он превратился.

– Оборотень?

– Вот это нам предстоит выяснить, однако, повторяю, Ватсон, я не привык иметь дело с потусторонними силами и не верю сказкам. Нам следует искать материалистическое объяснение, друг мой, это наиболее верный путь.

– Материалистическое? Хм! Оно, в самом деле, есть, неужели дог хозяина отеля не подсказал вам?

– Ха, вы думаете, что женщина сделала надпись на стекле, а пёс, учуяв сладкий запах помады, взобрался по лестнице по её следу и сунулся к баронету в окно своей свирепой мордой, даже не подумав, что на самом деле он такой лапочка? Дог так напугал сэра Чарльза своим неожиданным появлением, причём по случайному совпадению как раз в тот момент, когда он закурил сигару, что ему сделалось плохо. Собака, как видно, испугалась его реакции и убежала, а он, шатаясь, подошёл к открытому окну, чтобы глотнуть свежего воздуха, в этот момент сознание помутилось, и он выпал наружу головой вниз, так?

– Блестяще! Вы очень точно выразили то, о чём я подумал.

– Есть одна загвоздка.

– Какая?

– Человек, которого испугало чудовище в окне, скорее всего, выскочил бы из комнаты, а согласно этой версии он, напротив, ринулся к окну.

– Внезапно подступившее удушье, Холмс, могло оказаться страшнее привидения. В конце концов, он мог просто перестать соображать, думая лишь о глотке свежего воздуха!

– Возможно, однако, маловероятно. Тем более, что портье после гибели сэра Чарльза обнаружил дверь его номера распахнутой настежь.

– А что в таком случае представляется вам более вероятным?

– Когда нашего несчастного сэра что-то испугало в окне, причём это был вовсе не наш милый дог, он бросился в коридор. Там сэр увидел нечто такое, что его, как видно, испугало ещё больше, после чего, совершенно обезумев от ужаса, он кинулся обратно в комнату и выпрыгнул в открытое окно головой вниз, словно решил исполнить сальто. Дело обретает форму, Ватсон, это совершенно очевидно. Могу я попросить вас подать мне мою скрипку,

давайте пока отложим все мысли о нём, и снова вернёмся к обсуждению лишь после встречи с доктором Мортимером и сэром Генри Баскервилем завтра утром.

Глава четвёртая. Сэр Генри Баскервиль

Утром следующего дня стол для завтраков был убран раньше обычного. Холмс, не снимая домашний халат, ожидал назначенной встречи.

Наши клиенты были пунктуальны. Едва часы пробили десять, как в комнату вошёл вначале доктор Мортимер, а вслед за ним – одетый в красноватый твидовый костюм подвижный темноглазый невысокий крепкий человек лет тридцати с густыми чёрными бровями и открытым волевым лицом. Загорелая и обветренная кожа говорила о том, что он много времени проводит на свежем воздухе, в то же время твёрдый взгляд и благородная осанка выдавали в нём джентльмена.

– Сэр Генри Баскервиль, – сказал доктор Мортимер.

– Пожалуй, да, хотя совершенно не чувствую себя титулованной особой, – сказал баронет. – Как странно, мистер Холмс, если бы мой друг не предложил мне навестить вас, наверное, я всё равно пришёл бы к вам сегодня утром. Насколько знаю, вы – любитель головоломок, так позвольте мне предложить одну, моего воображения на её разгадку, кажется, не хватает.

– Пожалуйста, присаживайтесь, сэр Генри. Вы хотите сказать, что по прибытии в Лондон пережили нечто загадочное?

– Ничего особенного, не исключено, что это всего лишь шутка. Вначале я остановился в отеле «Нортумберленд». Окно комнаты располагалось в цокольном этаже и выходило на узкую и совершенно безлюдную улицу. За окном стемнело, я зажёл свет, задёрнул штору и сел читать «Хронику графства Девоншир», которую давно разыскивал, так как мне не терпелось узнать все подробности скоропостижной смерти моего дорогого дядюшки. Едва я погрузился в чтение, как мне показалось, что снаружи под окном кто-то стоит. Осторожно посмотрев в щель между шторой и стеной, я никого не увидел, и вернулся к чтению, однако буквально через минуту кто-то легонько, вот так, постучал в оконное стекло. Вы не поверите, мне сделалось как-то не по себе, и признаюсь, что-то нехорошее зашевелилось в горле. Мне вдруг вспомнилось, как в детстве няня предостерегала меня от того, чтобы выглядывать в окна по ночам, мол, так человек навлекает смерть своим родным и самому себе. К тому же, как раз в этот момент я прочёл в газете, что мой дядя ни с того, ни с сего выбросился в окно и сломал себе шею, а черты его лица были искажены до неузнаваемости, по всей видимости, от дикого ужаса. Хотите, верьте, хотите нет, однако я не нашёл в себе силы отдёрнуть штору. Вместо этого я переехал в другой отель, это «Коринфия», он располагается неподалёку. Там меня тоже поселили в цокольном этаже, я отужинал, поднялся к себе, зажёл свет, плотно задёрнул шторы, окно выходило в уютный внутренний дворик, и решил окончить чтение статьи, посвящённой кончине моего дяди, однако не прошло и минуты, как кто-то легонько постучал в окно. Признаюсь, у меня волосы на голове зашевелились. Охваченный безотчётным ужасом, я отбросил газету и лёг под одеяло прямо в одежде. Лёгкий стук повторился, однако я дал себе слово, что не приближусь к окну даже на дюйм. Несколько минут висела пугающая тишина, а затем раздался тихий стук в дверь. Тогда я не выдержал, вскочил с постели и, ругаясь последними словами, послал неизвестного шутника ко всем чертям. Только после этого меня оставили в покое. Утром я не обнаружил своих штиблет, которые выставил перед дверью, чтобы коридорный их почистил. Мне пришлось поднять на уши весь отель, прежде чем они нашли мою обувь. Как думаете, мистер Холмс, где её обнаружили?

– В корзине для мусора?

– Нет, не угадали. Штиблеты мирно стояли снаружи на сливе моего окна. Кому-то взбрело в голову стащить мою обувь ночью, затем пробраться во внутренний дворик и водрузить их туда. Весело, не правда ли? По моему требованию меня переселили в номер этажом выше. Если ещё раз повторится нечто подобное, я разнесу этот притон вдребезги!

- Каково расстояние от окна до земли?
 - Футов около шести, не больше.
 - Можно поместить ботинки на слив, не подставляя лестницу?
 - Да.
 - Служащие отеля заметили что-нибудь подозрительное?
 - Ничего они не заметили! Они вообще, не ходят, а ползают, как сонные мухи. Такого сервиса я ещё не встречал.
 - Хорошо ли были освещены коридоры в обоих отелях?
- Сэр Генри посмотрел на моего друга с недоумением.
- В них царил полумрак.
 - Кто знал о том, что вы остановились в отеле «Нортумберленд»? – сказал Холмс, буквально пронзив баронета взглядом.
 - Ни одна живая душа! Мы выбрали этот отель после того, как встретились на вокзале.
 - А доктор Мортимер, вне всякого сомнения, тоже остановился там?
 - Нет, я остановился у своего друга, – сказал доктор.
 - Мы не планировали направляться именно в этот отель и никому не сообщали об этом.
- Скажите теперь, мистер Холмс, гори оно огнём, кого это вдруг так заинтересовала моя персона?
- Что вы думаете, доктор Мортимер? Кажется, здесь вряд ли можно обнаружить что-то сверхъестественное?
 - Совершенно верно, однако тем, кто знаком с обстоятельствами кончины сэра Чарльза, рассказ сэра Генри может показаться зловещим.
 - Не пойму, джентльмены, о чём вы говорите, однако это ещё не всё.
- С этими словами баронет торжественно достал из кармана конверт и положил перед Холмсом.
- Посмотрите, конверт пуст, однако на нём самом написано нечто занятное.
- В самом деле, на конверте аккуратными печатными буквами было выведено от руки чёрными чернилами «Keep away from the moor».
- Опять предостережение! – сказал я. – Кто-то упорно пугает всех Баскервильей болотами.
 - А причём здесь болота? – сказал баронет, посмотрев на меня чистым незамутнённым взглядом младенца. – Похоже, что здесь все знают о моих делах намного больше, чем я сам!
 - Обещаю, что вы узнаете всё, что нам известно, прежде чем покинете эту комнату, – сказал Холмс. – Пока же могу сказать, что надпись на конверте была сделана в отеле, и её, судя по особенностям почерка, сделал мужчина, а не женщина.
 - Силы небесные, почерк понятен, а откуда вы узнали, что он писал в отеле?
 - Если присмотреться, то можно легко увидеть, что перо и чернила доставляли автору неудобства. Кончик пера раздвоился от частого использования, от этого линии букв тоже двоялись, и их приходилось по нескольку раз обводить. Чернила высохли трижды, прежде чем он смог написать такую короткую вроде бы фразу, из этого следует, что чернильница была почти пуста, там было мало чернил, поэтому пришлось трижды обмакнуть перо, чтобы закончить. Редко, чтобы в домашних условиях совпадало и то, и другое. Дома, если чернил мало, то, по крайней мере, перо нормальное, а если перо изношено, то обычно чернил в достатке. С другой стороны, именно в отелях письменные принадлежности, как правило, находятся в таком бедственном состоянии.
 - Ха, вы меня поражаете, мистер Холмс! В самом деле, всё просто. Почему я сам не догадался?
 - Потому что у вас другие интересы, а я каждый день занимаюсь этим. Вам подсунули этот конверт под дверь?

– Нет, кто-то вложил его в один из тех моих пропавших ботинок, которые отельные сонные мухи, продрав, наконец, глаза, обнаружили на сливе моего окна нынешним утром.

– Похоже, кто-то следовал за вами и, возможно, останавливался в тех же отелях, что и вы.

– Итак, джентльмены, не успев прибыть в Лондон, я оказался в гуще событий, достойных описания в каком-нибудь детективном романе. С какой стати кому-то понадобилось неотступно следовать за мной?

– Мы ещё подойдём к этому, а пока, сэр Генри, будьте добры вспомнить, не случилось ли с вами ещё чего-нибудь с момента вашего прибытия в Лондон?

– Что вы имеете в виду?

– Я имею в виду нечто такое, что кажется необычным.

– Нет, больше ничего такого не происходило. Знаете, мистер Холмс, мне вполне хватило того, о чём я вам поведал. С того момента, как я ступил на землю метрополии, мне даже не удалось поспать нормально, а в газете я прочёл об опасениях жителей Дартмура по поводу того, что молодой наследник вдруг не захочет жить в имении со столь пугающей репутацией. Я ничего не понимаю! Может быть, вы всё-таки объясните мне, наконец, в чём дело?

– Ваше требование, безусловно, обоснованно.

С этими словами Холмс достал из ящика стола старинную рукопись, которую оставил ему сэр Чарльз, и попросил доктора Мортимера прочитать баронету вслух его семейное предание. Сэр Генри выслушал повествование с глубочайшим вниманием и несколько раз даже изумлённо вскрикнул.

– Я, кажется, принимаю в наследство не только имущество, но и зловещее прошлое, – сказал он, когда доктор окончил чтение. – Конечно, я слышал от бабок о Чёрной собаке преисподней. Повзрослев, я перестал воспринимать эту сказку серьёзно, тем более, что никаких письменных источников на тот момент не было. Откуда взялась рукопись?

– Мне её принёс сэр Чарльз накануне своей кончины.

– Накануне своей кончины, вы сказали? Зачем?

– Он хотел, чтобы я проверил, в чьей компетенции находится это дело, – полицейского или священника.

– А вы?

– Тогда я пришёл к выводу, что у вашего дядюшки нервное расстройство, и ему требуется помощь соответствующего медицинского специалиста.

Сэр Генри недобро улыбнулся.

– Может быть, меня вы тоже отправите к психиатру?

– Полагаю, в этом нет никакой необходимости. Кто-то, в самом деле, либо пугает вас, либо действительно знает больше нас всех о том, что происходит на болотах.

– Может быть, он просто хочет отпугнуть меня от имения? Например, дворецкому это было бы, наверное, удобно, он продолжал бы получать жалование за обслуживание Баскервиль-холла, при этом практически ничего не делая.

– Как бы то ни было, теперь нам следует решить, сэр Генри, стоит ли вам ехать в Баскервиль-холл.

– Почему мне не следует ехать?

– Это может быть опасно.

– Опасность от адского чудовища или существа в плоти и крови?

– Вот это как раз предстоит выяснить.

– Я так вам скажу. Никакой дьявол из преисподней и никакое существо на земле не отвратит меня от дома моих предков. Это мой окончательный ответ!

Его лицо вспыхнуло и резко потемнело в тот момент, когда он говорил эти слова. Было очевидно, что пылкий нрав Баскервильей не угас в этом представителе древнего рода.

– Между тем, – помолчав минуту, сказал он, – не следует рубить с плеча, у меня совершенно не было времени, чтобы обдумать всё, что вы сообщили. Думаю, мне потребуется час, чтобы прийти к какому-то разумному решению. Послушайте, мистер Холмс, сейчас половина одиннадцатого, и я собираюсь идти к себе. Предлагаю вам и вашему другу, доктору Ватсону, вместе отобедать в отеле в два часа. После этого я сообщу вам своё решение.

– Вам удобно, Ватсон?

– Вполне.

– В таком случае ждите нас к обеду. Мне вызвать кэб?

– Нет, я пройду пешком. Это дело, знаете ли, слишком взбудоражило меня, хочу немного успокоиться.

– Я тоже с удовольствием пройду пешком, – сказал доктор Мортимер.

– Итак, встречаемся в два часа. Аревуар!

Мы сидели и слушали звук удаляющихся шагов наших посетителей на лестнице, однако, едва хлопнула дверь парадного входа, Холмс мгновенно преобразился, превратившись из сонного мечтателя в человека действия.

– Скорее, Ватсон! Где ваш цилиндр и ботинки? Дорога каждая секунда!

Он бросился в свою комнату в домашнем халате, и через несколько мгновений вернулся в цилиндре, пальто и с тростью в руке. Мы поспешили вниз по лестнице и оказались на улице.

Только что прошёл лёгкий морозящий дождь, и мостовая дышала сыростью. Доктор Мортимер и Баскервиль не успели скрыться из вида, нас отделяло не более двухсот шагов. Наши клиенты шли в сторону Оксфорд-стрит.

– Давайте я побегу вперёд и остановлю их.

– Ни слова больше, дорогой Ватсон! Мне всегда приятно находиться в вашем обществе, но особенно приятным оно бывает, когда вы молчите. Наши друзья правы. Какое чудесное утро!

Мы быстро зашагали вперёд, пока не сократили дистанцию вдвое. Продолжая держаться на расстоянии ста шагов, мы проследовали по Оксфорд-стрит и свернули на Риджент-стрит. Когда наши друзья остановились, чтобы поглазеть на витрину магазина, Холмс сделал то же самое. Мгновение спустя он обрадовано вскрикнул. Проследив за его острым взглядом, я увидел не очень длинного согбенного человека в тёмной испанской шляпе и коротком чёрном плаще с просторным бежевым саквояжем в руке. Он шёл на противоположной стороне улицы, и, как видно, тоже держал дистанцию, не желая приближаться к сэру Генри и доктору Мортимеру. Когда они остановились у витрины, он тоже остановился, а когда они пошли, тоже двинулся следом.

– А вот и наш человек, Ватсон! Давайте-ка хорошенько рассмотрим его.

В этот миг мужчина повернулся вполборота в нашу сторону, и я различил вначале густую клинообразную седую бороду, а затем встретился взглядом с устремлённой на нас парой пронзающих глаз, едва различимых в тени шляпы. В следующее мгновение конный экипаж, неизвестно откуда взявшийся, подъехал к нему.

Я никак не ожидал от своего друга такой стремительности. В два прыжка он, едва не попав под ехавшую навстречу карету, пересёк улицу, оказался рядом с незнакомцем и протянул руку, чтобы схватить его, однако тот с неожиданным и резким разворотом ударил его углом саквояжа в голову, прыгнул на подножку и что-то крикнул извозчику. Кэбмен стегнул лошадь так, что она безумно рванула с места в карьер, и кэб мгновенно влился в плотный транспортный поток, обычный для Риджент-стрит.

Я помог моему другу подняться. Держась за голову, Холмс огляделся, однако свободного экипажа поблизости не было, тогда он бросился в самую гущу транспортных средств, пытаясь догнать кэб, но скорость была неравной, и экипаж сумел очень скоро скрыться из вида.

– Что я говорил! – с горькой досадой сказал Холмс, едва ступив обратно на тротуар, он задыхался и был бел от охватившего его раздражения. – Ужасное невезение и ужасающее дилетантство. Ах, Ватсон, Ватсон! Если вы человек чести, вы обязаны отразить этот факт. Шерлок Холмс не такой успешный профессионал, каким вы изображаете его в своих записках!

– Кто этот человек?

– Не имею ни малейшего представления.

– Шпион?

– Скорее всего, исполнитель, неотступно следующий за Баскервилем с того самого момента, как он прибыл в Лондон. Именно он испугал сэра Чарльза, а теперь ищет случай, чтобы испугать и довести до смерти сэра Генри. А как можно знать, что наследник, прибыв в город, выбрал вначале отель «Нортумберленд», а затем «Коринфию»? Только посредством слежки. Если они следили за ним в первый день, я мог бы поспорить, что сегодня они продолжат. Может быть, вы обратили внимание, что я дважды подходил к окну, пока доктор Мортимер читал вслух семейное предание Баскервильей.

– Да, припоминаю.

– Я смотрел, не болтаются ли там кто-нибудь без дела, однако никого не заметил. Мы столкнулись с умным человеком, Ватсон. Дело развивается стремительно, и хотя я пока не могу точно сказать, кто за всем этим стоит – друг или враг, – я отчётливо ощущаю хладнокровный и остроумный замысел. Когда наши друзья покинули нас, я немедленно последовал за ними, надеясь увидеть кого-нибудь, кто сопровождает их, при этом стараясь оставаться незаметным. Хитрость в том, что он шёл пешком, однако предусмотрительно нанял кэб, чтобы воспользоваться им, если те, за кем он следит, вдруг сядут в экипаж. Помимо этого, сев в кэб, который под рукой, легко скрыться, что он и сделал, едва почувствовав подозрительное внимание.

– Голова болит?

– Пустяки! В юности, когда я боксировал на ринге, и не такое бывало. Кэб – превосходный вид транспорта, однако он имеет один очевидный недостаток.

– Кэбмен может стать свидетелем.

– Точно.

– Как жалко, что мы не запомнили номер!

– Мой дорогой Ватсон, мы не могли его запомнить, потому что он был, как нарочно, покрыт грязью, – совсем недавно прошёл дождь.

– Разве можно было ещё что-то сделать?

– Я должен был обратить внимание, что кэб неотступно следует за ним. Непростительная небрежность! Если бы я заметил, что его сопровождает экипаж, я мог бы развернуться и пойти в обратном направлении, после этого нанять свободный кэб и поехать следом на приличном расстоянии, или, ещё лучше, отправиться напрямик к отелю «Коринфия». Незнакомец появился бы там, следя за Баскервилем, и тогда мы сыграли бы с ним в ту игру, которую он затеял с нами, проследили бы за ним и узнали, что он намерен делать. Вместо этого мы проявили излишнее рвение, противник не замедлил им воспользоваться, мы выдали себя и потеряли нашего человека.

Я вспомнил о докторе Мортимере с Баскервилем и посмотрел вперёд, однако они успели скрыться из вида, поскольку, разговаривая, мы слишком медленно шли по Риджент-стрит.

– Теперь нет смысла следовать за ними, – сказал Холмс. – Чёрная тень за их спиной отстала и больше не вернётся. Нам следует понять, какие карты остались у нас на руках, и сыграть ими. Вы различили черты его лица?

– Я смог различить только бороду.

– О, она, в самом деле, запоминающаяся и, скорее всего, фальшивая. Умный человек, отправляясь выполнять столь деликатную задачу, использует какую-нибудь характерную бороду лишь для того, чтобы скрыть внешность. Теперь, Ватсон, нам остаётся навестить отели

«Семирамида» и «Нортумберленд», после чего, если там не будет ничего интересного, мы отправимся в картинную галерею на Бонд-стрит, чтобы занять наше время до назначенного часа.

– А что может быть интересного в этих отелях?

– Журналы регистрации постояльцев, однако, вначале давайте зайдём в магазин косметики «У Бернара», вот он.

Мне было совершенно непонятно, для чего Холмсу вдруг потребовался магазин женской косметики. Пассии у него, как я знал, не было, да и не могло быть, судя по тем взглядам на отношения с женщинами, которые он исповедовал. Мой друг был искренне убеждён, что романтические отношения ввергают душу в область бесплодных и всепожирающих эмоций, не давая подняться над окружающей действительностью на крыльях холодного рассудка, который так необходим настоящему сыщику.

Мы звякнули в колокольчик, и к нам вышел плотный седой краснолицый старикан лет восьмидесяти, типичный француз, а французы, как известно, обладают удивительной способностью сохранять лучезарную юношескую улыбку до глубокой старости.

Холмс неожиданно подался вперёд всем своим худым и натянутым, словно скрипичная струна, изящным телом.

– О, месье Бернар, неужели это вы? Ваша губная помада, завернутая в шёлковую бумагу в форме карандаша, произвела фурор на всемирной выставке в Амстердаме, если не ошибаюсь, пять лет назад.

– О, да, сэр, точнее сказать, не я, а мой старший брат представлял там её. А вы, я вижу, знаток косметики. Торгуете?

– Моя дорогая сестра любит болтать обо всём этом. Вот, посмотрите, она выскребла из своей баночки засохшие остатки и попросила приобрести точно такую же помаду. – Холмс достал из кармана конверт, в который он сделал соскобы с оконного стекла, приоткрыл его и приблизил к флегматичному лицу хозяина. – Именно такой сорт ей чрезвычайно нравится, он делает её настоящей Клеопатрой! Есть ли у вас то, что она просит?

Старик взял в руки конверт и осторожно поднёс его к своему колоритному бугристому носу, который вдруг зашевелился, как у зверя, почуявшего верную добычу.

– А, понял, о чём идёт речь! Смесь из свежего молока, пчелиного воска, корней и зёрен чёрного винограда. Превосходный, кстати, вкус у вашей сестры, позвольте вам сказать! К сожалению, сэр, недели три назад одна милая мадемуазель купила у меня последнюю баночку. Больше такой помады у меня не осталось. Она слишком дорогая, плохо берут, и я решил пока не заказывать её.

– Вам присылают её на пароходе?

– Совершенно верно.

– Постойте, а не подослал ли муж моей сестры свою служанку, чтобы опередить меня. Мы с ним часто соперничаем по поводу подарков нашей дорогой Адель, иногда мне даже кажется, что он, дурачок, ревнует меня к ней.

– Я говорил ей, сэр, что тёмно-бордовый цвет идёт зрелым женщинам, а ей, совсем ещё юной девушке, подойдёт нежно-розовый, однако она не желала меня слушать. Что поделаешь, провинциальное упрямство способно разбить вдребезги любые доводы.

– Почему вы решили, что она провинциалка?

– Говорю вам, сэр, я живу в Британии шестьдесят лет, и продавал свои краски для женщин не только в Лондоне. Поверьте, меня не проведёшь, этот говор я отличу от любого другого. Она откуда-то из Южного Уэльса, совершенно точно.

– Неужели мой братец послал свою бывшую горничную, она, помнится, была из Девоншира. Не могли бы вы мне её описать подробнее?

– Она не похожа на горничную, сэр. В ней, как в море, плещется природная тяга к свободе. Верхом на лошади без седла она смотрелась бы на своём месте, а тесная одежда городской барышни её явно стесняет. Милое личико, кожа необычайной белизны, глаза глубокие, как омуты, однако синие-синие, как само небо, а волосы просто восхитительные, кажется, что они золотые. Кудри вьются и удачно обрамляют лицо. Одежду в деталях не разглядел, поскольку, опешив, подумал, что ко мне по ошибке заглянула фея.

– В самом деле, на проделки моего дорогого шурина что-то не похоже, хотя он и не такое вытворял. Хорошо, месье, мы обязательно заглянем к вам ещё. Удивительно, как вы запомнили девушку, всё-таки прошло три недели!

Месье Бернар вдруг с заговорщицким видом наклонился к Холмсу.

– Вы правы, сэр, я видел её дважды. Вчера она снова заходила сюда, и опять спрашивала эту самую помаду. Мне показалось, что она была немного не в себе. Знаете, когда человек говорит, а потом вдруг замолкает, ты спрашиваешь, а он тебя не слышит. Вот такое у неё пару раз было. Она сказала, что будет жить в отеле поблизости и ждать, когда прибудет её губная помада из Парижа, после этого сделала заказ, заполнив карточку, однако забыла указать свой адрес и имя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.